

ХЮБЕРТ

СЕЛБИ-МЛ.

18+

ПОСЛЕДНИЙ ПОВОРОТ
НА БРУКЛИН

Хьюберт Селби-младший
Последний поворот на Бруклин
Серия «Чак Паланик и
его бойцовский клуб»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129598

Последний поворот на Бруклин: Глагол;

ISBN 5-87532-052-4

Аннотация

Место действия: Бруклин, рабочий квартал Нью-Йорка конца 1960-х годов.

Действующие лица: маргиналы всех мастей – проститутки, гомосексуалисты, хулиганы и сумасшедшие, трансвеститы, домохозяйки и брошенные дети.

Отсутствуют: морализаторство, пафос, идеологическая нагрузка. Надежда. Вера. Любовь.

Содержание

Часть I	5
Часть II	19
Часть III	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Хьюберт Селби-мл. Последний поворот на Бруклин

Эта книга посвящается Гилу, с любовью

© Hubert Selby, Jr., 1957, 1960, 1961, 1964

© Перевод. В. Коган, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*** * ***

Часть I

День прошел, истрачен доллар

*Потому что участь сынов человеческих и
участь животных — участь одна: как те умирают,
так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у
человека преимущества перед скотом, потому что
всё — суета!*

Екклесиаст. 3, 19

Они сидели развалясь вдоль стойки и на стульях. Очередная ночь. Очередная тоскливая ночь «У Грека», в ночной тошнеловке рядом с Бруклинской военной базой. Изредка заходили сожрать гамбургер солдатики и морячки, которые врубали музыкальный автомат. Но они обычно ставили какое-нибудь треклятое хиллбилли. Грека уговаривали убрать эти пластинки, но тот ни в какую. Они приходят и тратят деньги. А вы всю ночь сидите и ничего не покупаете. Ты что, Алекс, издеваешься?! Да на те бабки, что мы здесь прокутили, ты давно мог бы уйти на покой! Брысь! На твои гроши и на трамвае не прокатишься...

В музыкальном автомате двадцать четыре пластинки. Им хватало и двенадцати любимых, а остальные слушали клиенты с базы. Если кто-то ставил пластинку Лефти Фриззела или какое-нибудь другое дерьмецо, они стонали, жести-

кулировали (что за твердолобый разьебай, чувак!) и шли на улицу. Двое умников бросали в автомат монетки, а они прислонялись к фонарному столбу и крыльям машин. Теплой светлой ночью они медленно прохаживались кругами, слегка подволакивая правую ногу в моднучей шаркающей походке полиомиелитчика, со свисающими изо рта сигаретами, с поднятыми сзади и опущенными, подвернутыми спереди воротниками свободных рубаш. Прищуриваясь, поплеывая. Разглядывая проезжающие машины. Идентифицируя их. Модель. Марка. Год. Мощность в лошадиных силах. Подвесной клапан. Ви-восемь. Шесть, восемь, сотня цилиндров. Уйма лошадей. Уйма хрома. Зарешеченные фары «Ред энд Эмбер». Видал решетку на новом «Понтиаке»? Классно смотрится, чувак! Ага, зато пикап паршивый. Самый клёвый пикап у «Плимута».

А это дерьмо. Да и дорогу держит хуже «Бьюика». А вот на «Роудмастере» я от всех копов в городе свалю. Если заведешь. По прямой. Вирази. Ухожу от легавых. Обтекаемая форма. Автоматическая гидравлика. Да не заведется она! И квартала не проедешь, как тебя сцапают. Только не на новеньком «восемь-восемь»! Жмешь на газ, и тебя сразу с сиденья срывает. Классная тачка! Только их нынче и угоняю. Для гоп-стопа незаменима. И все же не люблю «Понтиак». Если б я покупал машину... Нацепи фартуки на крылья, решетки на фары, колпачки от «Кадди» на колеса да толстожопый выхлоп сзади... Черт подери, да это же будет самая

клёвая тачка на трассе! Иди в жопу! Нет ничего выше, чем «Континенталь» сорок седьмого с открывающимся верхом. Высший класс. Мы тут на днях видали один на Верхнем Манхэттене. Полный пиздец, чувак! Дерьмецо в автомате все звучало, в они трепались и бродили, трепались и бродили, заправляя рубашки и подтягивая брюки, бросая окурки на мостовую... Жаль, ты не видал ту тачку! Цвета шартреза с белыми боками. Покатайся на такой тачке с опущенным верхом, в темных очках и клёвом прикиде, и тебе придется дубинкой от телок отбиваться... Сплюывая после каждого слова и целясь при этом в очередную трещину на тротуаре; слегка приглаживая ладонями волосы, аккуратно поправляя «утиные хвосты» на затылке, нащупывая кончиками пальцев выбившийся из прически волосок, который не свисает с должным эффектом... видал бы ты, какие клёвые рубашки продаются в «Обиз»! Шикарный прикид. Слушай, а ты просёк, какой там в витрине клёвый серебристо-голубой синтетический костюмчик? А то как же! Однобортный, с одной пуговицей и большими лацканами... да и чем еще в такую ночь заняться? Горючего в баке всего несколько капель, а наполнить его не на что. Да и податься некуда... но костюмчик с одной пуговицей нужен позарез. Без него твой гардероб не полон. Ага, но я врубился в эту новую шинельку. Клёвые дела, можно вместо куртки носить... Пустая трепотня тянулась без конца, и никто не замечал, что одни и те же парни болтают об одном и том же, а кто-то нашел нового портного,

который за четырнадцать зеленых шьет класснейшие штаны; а как насчет амортизаторов у «Линкольна»; они бросали завистливые взгляды на проезжавшие машины и плевались; и кто, мол, натянул ту тёлку, а кто – эту; один вынул из кармана маленькую щеточку и почистил свои замшевые туфли, потом вытер руки и привел в порядок свой прикид, другой подбросил монетку, а когда она упала, на нее кто-то наступил, помешав ее поднять, и когда он убрал ногу с монеты, ему растрепали волосы, а он обозвал того разьебаем и выхватил расческу, но когда прическа восстановилась, волосок к волоску, ее опять взъерошили, и он чертовски разозлился, а остальные рассмеялись, и еще чьи-то волосы растрепали, и они принялись толкаться, и кто-то еще стал толкаться, а потом кто-то предложил сыграть в молчанку и сказал, что первым должен водить Винни, все с восторгом заорали, Винни сказал, что ему насрать, и стал водить, все его обступили, он медленно отвернулся и принялся резко дергать головой, пытаясь поймать ударившего, чтобы тот заменил его в центре круга, его двинули в бок, а когда он обернулся, двинули опять, он завертелся и получил два удара кулаками в спину, потом еще один по почкам, он согнулся, они расхохотались, он резко обернулся, схлопотал тычок в живот, упал, но показал на бившего, вышел из круга и минутку постоял рядом со всеми, переводя дух, потом начал наносить удары и почувствовал себя получше, когда как следует вмазал Тони по почкам, оставшись незамеченным, а Тони еле шевелился,

и его лупили несколько минут, но потом он все же угадал, и Гарри сказал, что он мухлюет, а на самом деле не видел, кто ударил. Но его все равно толкнули в центр, а Тони выждал в сильно врезал ему сбоку по ребрам, минут пять они еще играли, а Гарри всё стоял в центре круга, задыхаясь и стараясь не рухнуть на колени, и они лупцевали его в свое удовольствие, но потом им стало скучно, игра разладилась, все пошли обратно к «Греку», Гарри – согнувшись и тяжело дыша, все прочие – смеясь, а там направились в сортир умываться.

Они умылись, плеснули холодной водой на волосы и шеи, потом принялись бороться за чистый кусок грязного фартука, служившего полотенцем, крича сквозь дверь, что Алекс – никчемный разьебай, потому что не припас для них полотенца, потом стали воевать за место перед зеркалом. В конце концов они пошли к большому зеркалу у входа в забегаловку, причесались, поправили одежду, смеясь и все еще подкалывая Гарри, потом уселись, откинувшись и развалясь.

Любители дерьмеца ушли, и они крикнули Алексу, чтобы тот поймал какую-нибудь музыку по радио. А почему бы вам не бросить деньги в автомат? Тогда будете слушать то, что захотите. Да ладно тебе, чувак! Не будь занудой! Устроились бы лучше на работу. Тогда бы у вас были деньги. Эй, следи за базаром! Ага, Алекс, не надо сквернословить. Работать надо, бездельники никчемные. Это кто бездельник?! Ага, кто?! Они рассмеялись и принялись орать на Алекса, а тот сидел,

улыбаясь, на табуретке у края стойки, и кто-то перегнулся через стойку, включил приемник и стал крутить ручку до тех пор, пока не застонал сакс, и кто-то заорал, требуя его обслужить, Алекс послал его ко всем чертям, тот грохнул кулаком по стойке, Алекс предложил яичницу с ветчиной, а тот сказал Алексу, что не съест здесь ни одного яйца, если не увидит, как его снесет несушка, Алекс рассмеялся – брысь! – не спеша подошел к электрокофейнику и спросил, не угостить ли ему всех ребят кофе, а они рассмеялись, и Алекс велел им устраиваться на работу, а то постоянно ошиваетесь здесь, как нищие бродяги. Когда-нибудь пожалеете. Вас посадят, и тогда вам уже хорошего кофе не видать. КОФЕ!!! Чувак, да он же хуже мочи! Тюремные помои и то вкуснее. Не иначе тебе скоро их снова хлебать. Пошел в жопу, не дожدهшься. Смотри, как бы я тебя не сдал. Давай, тогда хоть отдохну спокойно. Да без нас ты сдохнешь, Алекс. Кто будет защищать тебя от алкашей? Вспомни, сколько раз мы тебя выручали. Вы, ребята, сами того и гляди в беду попадете. Вот увидите. Постоянно выебываетесь. Ах, Алекс! Не надо так говорить. Нам от этого не по себе. Ага, чувак. Ты нас обижаешь...

Алекс сидел на своей табуретке, курил и улыбался, а они курили и смеялись. Проезжали машины, и некоторые пытались идентифицировать их по звучанию мотора, потом выглядывали, проверяли и, расправив плечи, с важным видом шествовали на место, если таковое имелось. Изредка заходил какой-нибудь пьянчуга, и они орали Алексу, чтобы он

оторвал задницу от табуретки и обслужил клиента, или велели парню уматывать подобру-поздорову, пока Алекс не отравил его кониной с кофе, а Алекс брал грязную тряпку, вытирал кусок стойки перед пьянчугой и говорил, да, сэр, чего желаете, и им хотелось знать, почему он не зовет сэрами их, а Алекс улыбался и сидел на своей табуретке, пока пьянчуга не допивал, после чего не спеша подходил, брал деньги, звякал кассой, снова садился на табуретку и велел им вести себя потише: вы что, хотите распугать добропорядочных клиентов? – потом Алекс смеялся вместе с ними, выплевывал окурки и давил их каблуком. А машины всё ехали, пьянчуги всё шли, небо было ясное и светлое от звезд с луной, дул легкий ветерок, из порта доносилось пыхтение буксиров, неслись через бухту и рокотали на Второй авеню глухие стоны их гудков, а когда воцарялась тишина, слышно было даже, как с лязгом лебедки швартуется паром... а ночь была тоскливая, бабок ни гроша, они щелчком выбросили за дверь окурки и подошли к зеркалу прихорашиваться и причесываться, кто-то сделал погромче приемник, пришли некоторые из девчонок, ребята направились к их столику, заправляя на ходу рубашки, а к Фредди привязалась Роза, девица, которую он изредка потягивал, и попросила у него полдоллара, но он послал ее к едрене фене, отошел и сел на табурет. Он разговаривал с ребятами, а она поминутно встревала, но он на нее – ноль внимания. Стоило ему слегка шевельнуться на табурете, как она порывалась встать,

а когда сажился он, сажилась и она. Фредди встал, подтянул штаны, сунул руки в карманы, не спеша вышел за дверь и побрел за угол. Рози шла в шести дюймах справа от него и в шести дюймах позади. Он прислонился к фонарному столбу и сплюнул, едва не угодив ей в лицо. Ты хуже пиявки. От пиявки хоть можно отделаться. Тварь никчемная. Не вешай мне лапшу, ублюдок! Я знаю, что вчера вечером ты вырулил пару монет. А тебе-то что? Да и все равно они уже уплыли. У меня нет даже пачки сигарет. А мне какое дело? Я тебе что, отец? Ах ты, дешевый распиздяй! Иди Иисусу жалуйся, а то у меня от тебя уже яйца ноют. Сейчас еще не так заноят, ублюдок паршивый! – попытавшись дать ему пинка в пах, но Фредди увернулся и поднял ногу, а потом влепил ей оплеуху.

На базу возвращались трое буйных во хмелю солдат, которые, угостив выпивкой пару шлюх в местном баре, были выставлены на улицу за драку, когда шлюхи предпочли им пару морячков. Услыхав крик Рози, они остановились и узрели, как она отшатнулась, получив пощечину, и как Фредди схватил ее за горло. Полегче, малыш! Неужто никто не знает, что ебать девиц на улице нехорошо... Они расхохотались и разорались, а Фредди отпустил Рози, посмотрел на них и тоже заорал, уёбывайте, мол, отсюда, ублюдки беспонтовые. Я слышал, что она хороша в койке. Солдаты перестали хохотать и через улицу направились к Фредди. Сейчас мы из тебя душу выьем, любитель черномазых! Фредди крикнул, и все высыпали из забегаловки. Завидев их, солдатики оста-

новились, потом повернулись и бросились бежать к воротам базы. Фредди подбежал к своей машине, остальные вскочили внутрь и на крылья или ухватились за открытые дверцы, и Фредди погнался за солдатами по улице. Двое продолжали бежать по направлению к воротам, а третий, запаниковав, попытался перелезть через забор, и Фредди решил расплющить его машиной, но, прежде чем машина врезалась в забор, солдатик успел поджать ноги. Ребята спрыгнули с крыла, набросились на солдатика сзади, стащили его с забора, и он упал на край капота, а потом на землю. Они обступили его и принялись мутузить ногами. Он попытался перевернуться на живот и закрыть лицо руками, но, оказавшись на боку, получил удар мыском ботинка в пах и каблуком в ухо, закричал, заплакал, взмолился, потом, когда ему рассекли башмаком губу, умолк, продолжая тихо плакать, ах ты, разъебай, сопляк беспонтовый! – от сильного удара ногой в ребра он слегка повернулся и попытался приподняться на одно колено, а кто-то сделал шаг вперед и пнул его в солнечное сплетение, и он повалился набок, задрав колени, схватившись руками за живот, судорожно глотая воздух, кровь забулькала у него во рту, когда он попытался закричать, потекла по подбородку, потом вспенилась, когда он стал безудержно блевать, а кто-то втоптал его лицом в лужу блевотины, где в водоворотах крови забулькали немногочисленные пузырьки, он задыхался, а их башмаки с глухим стуком врезались говноеду в почки, он стонал, вертел головой в блево-

тине, разрывая волнистые кровавые узоры, потом ему сло-
мали нос, и он стал ловить воздух ртом, закашлялся и начал
тужиться, когда в рот ему вернулась часть блевотины, запла-
кал, попытался вскрикнуть, а Фредди наподдал ему ногой в
висок, глаза трусливого ублюдка закатились, он на миг при-
поднял голову и, со всплеском и стуком уронив ее на зем-
лю, вырубился, а кто-то заорал: полиция! — они снова наби-
лись в тачку и уселись сверху, Фредди начал разворачивать-
ся, но тут прямо перед ними остановилась патрульная ма-
шина, и вышли копы с револьверами в руках, тогда Фредди
остановил тачку, ребята вышли, спрыгнули и не спеша пере-
шли улицу. Копы выстроили их вдоль стены. Ребята стояли,
сунув руки в карманы, ссутулившись и опустив головы, под-
нимая вытянутые руки во время шмона, а потом принимая
прежние позы.

Из окон высовывались головы, люди, вышедшие из до-
мов и баров, спрашивали, что стряслось, копы орали, веля
всем заткнуться, и тоже спрашивали, что происходит. Ребят
пожимали плечами и что-то бурчали. Когда один из ко-
пов в очередной раз выкрикнул вопрос, к ним подошли во-
енный полицейский и двое спасшихся солдатиков, держав-
шие с двух сторон третьего, чья голова поникла, а носки бо-
тинок волочились по земле. Коп повернулся к ним и спро-
сил, в чем дело. Эти чертовы янки, значит, чуть не убили
нашего дружка, — кивнув на солдата между ними, а его го-
лова покачивалась из стороны в сторону, лицо и форма спе-

реди были залиты кровью, кровь капала и с головы. Фредди показал на него пальцем, подошел к копу и сказал ему, что ничего страшного с парнем не случилось. Он попросту придушивается. Ребята подняли головы, посмотрели на Фредди, зафыркали со смеху, и кто-то пробормотал, что ему палец в рот не клади. Коп посмотрел на солдата и сказал Фредди: если этот тип придушивается, значит, он чертовски хороший актер. Фыркание сделалось громче, и кое-кто в толпе зевак рассмеялся. Копы велели всем заткнуться. Ну, так в чем же дело? Солдатики раскрыли было рты, но Фредди их перекричал. Они оскорбили мою жену. Кто-то сказал: о господи, – а Фредди уставился на солдатиков, ожидая от них каких-то слов, чтобы обозвать их треклятыми врунами. Коп опросил, где его жена, и он сказал: вон там. Эй, Роза! Иди-ка сюда! Та подошла: блузка выбилась из юбки, волосы висят клочьями, помада размазалась от оплеухи, ресницы спутались, и сквозь многочисленные слои давнишней замызганной косметики поблескивают головки прыщей. Мы стояли на углу и разговаривали, а эти трое подонков начали отпускать непристойные замечания по адресу моей жены, и когда я велел им замолчать, они на меня набросились. Так дело было? Ага. Они меня оскорбили, обозвали трекля... грязной шлюхой. Да разве это для тебя оскорбление??? Фредди двинулся было на него, но коп ткнул его дубинкой в живот и велел не кипятиться. А ты попридержи язык, солдат. Аа, все вы, треклятые янки, одинаковы. Сборище никчемных

ублюдков, сплошь любители черномазых. Все вы паршивцы! Коп подошел к солдату и сказал, что если тот сейчас же не заткнется, то угодит в тюрьму – и твой дружок заодно. Он пялился на солдатику, пока тот не потупился, потом повернулся к толпе и спросил, не видел ли кто-нибудь, что произошло, а люди заорали, что всё видели, что драку начали пьяные дебоширы, они оскорбили жену этого парня и пытались избить его, тогда коп сказал, ладно, ладно, заткнитесь. Снова повернувшись к солдатам, он велел им возвращаться на базу и позаботиться о здоровье дружка, потом повернулся к Фредди и ребятам и велел им проваливать, а если еще хоть раз увижу, что вы, сосунки, деретесь, лично раскрою вам черепушки и... Эй, минутку! Коп обернулся – к нему подошел военный полицейский. Так дело не пойдет, командир. У этих людей есть права, и я обязан им об этом напомнить. Может статься, они захотят подать в суд на этих громил. Да кто ты такой, черт подери? Адвокат из Филадельфии? Нет, сэр. Я лишь выполняю свой долг и напоминаю этим людям об их правах. Ну ладно, напомнил – и молодец, а теперь отправляйся на базу и оставь народ в покое. Тебе же известно, что в местных барах ты не начальник. Да, сэр, это правда, но... Никаких «но»! Военный заикнулся было еще о чем-то, понадеявшись на поддержку троих солдат, но те уже направились обратно на базу – двое поволокли третьего, разбрызгивая по мостовой кровь, стекавшую с его головы.

В дверях домов и баров исчезли фигуры, головы скры-

лись в окнах. Копы укатили, Фредди с ребятами вернулись к «Греку», и на улице стало тихо, разве что шумел буксир да изредка проезжала машина; даже крови не было видно с расстояния в несколько футов. Они носились взад-вперед по сортиру, умывались, смеялись, подталкивали друг друга локтями, до упаду хохотали над Фредди, разбрызгивали воду, осматривали обувь на предмет царапин, рвали в клочья грязный фартук, отматывали метровые куски туалетной бумаги и бросались ее мокрыми комками, похлопывали друг друга по спине, разглаживали рубашки, подходили к зеркалу у входа, причесывались, поднимали воротники сзади и подворачивали вниз спереди, поправляли брюки на бедрах. Эй, ну и видок был у того ублюдка, когда мы скинули его с забора! Да уж! Сукин сын в штаны наложил. Шайка сопляков. Эй, Фредди, как твое брюхо? Тот ублюдок здорово тебе саданул. Черт! Да ебал я копов в ту дыру, которой они едят...

Хьберт Селби

Когда-нибудь вы, ребята, попадете в беду. Только и знаете, что драться. Ты о чем это, Алекс? Мы всего лишь защищали жену Фредди. Ага, они оскорбили Рози. Они орали, топали ногами, стучали кулаками по стойке и столикам. Алекс ухмыльнулся и сказал: брысь! Когда-нибудь вы пожалеете. Лучше бы на работу устроились. Эй, следи за базаром, Алекс! Ага, при замужних дамах нельзя выражаться. Они рассмеялись и расселись вдоль стойки и на стульях. Постоянно выебывается. Когда-нибудь попадете в беду. Ах, Алекс,

не надо так говорить. Нам от этого не по себе. Ага, чувак, ты нас обижаешь...

Часть II

Королева умерла

*И сотворил Бог человека по образу
Своему, по образу Божию сотворил его;
мужчину и женщину сотворил их.
Бытие I, 27*

Жоржетта была гомиком с понятием. Она (он) не пыталась ни маскироваться, ни скрывать своих пристрастий при помощи женитьбы и чисто мужских базаров, не желала утешать свою гомосексуальность, тайно храня альбом с фотками любимых актеров и спортсменов, наблюдая за играми мальчишек или заделавшись завсегдатаем турецких бань и мужских раздевалок, не желала исподтишка бросать на всех косые взгляды и одновременно искать защиты под тщательно оберегаемой маской принадлежности к мужскому полу (со страхом ожидая на коктейле или в баре того момента, когда этот фасад чего доброго начнет осыпаться от алкоголя и будет полностью разрушен при попытке поцеловать или прощупать привлекательного юношу, после чего обычно следует решительный отпор, удар по морде – пидор гнойный! – и приходится, рассыпавшись в бессвязных извинениях и оправданиях, удирать на улицу) – а, напротив, гордилась тем, что она гомосексуалист, чувствуя свое интеллектуаль-

ное и эстетическое превосходство над теми (особенно женщинами), кто не принадлежит к сообществу геев (посмотрите, сколько педиков среди великих деятелей искусства!); и надевала женские трусики, пользовалась губной помадой, косметикой для глаз (в том числе, время от времени, золотой и серебряной «звездной пылью» для век), делала горячую завивку своих длинных волос и маникюр, носила женскую одежду в комплекте с подбитым ватой бюстгальтером, туфлями на высоких каблуках и париком (едва ли не самое сильное возбуждение она испытывала, когда приходила в «БОПСИТИ», нарядившись высокой, величественной блондинкой (на каблуках она была в шесть футов четыре дюйма ростом), в сопровождении негра (это был здоровенный красивый черномазый, и когда он ленивой походкой входил в заведение, все тамошние шлюхи вздрагивали, а натуралы спешили слиться. Мы только что из классного притона, классно уторчались, так тащились, что мне было на всех наорать, голубушка, вот что я скажу!); а иногда носила и тампон для месячных.

Она была влюблена в Винни и, пока он сидел в тюрьме, редко бывала дома – ночевала у подружек в Верхнем Манхэттене и почти все время тащилась под бензедрином и марихуаной. Как-то поутру, так и не смыв косметику после трехдневной обкурки в шумной компании, она привела домой одну подружку, и старший брат, вклепив ей оплеуху, сказал ей, что если он еще хоть раз заявится домой в таком виде, он

его убьет. Обозвав брата грязным пидором, они с подружкой с воплями выбежали из дома. После этого, прежде чем идти домой, она всегда звонила, чтобы проверить, дома ли брат.

Жизнь ее не просто вращалась, а, точно в центрифуге, описывала центробежные круги вокруг стимуляторов, опиатов, клиентов – которые платили ей, чтобы она танцевала перед ними в женских трусиках, а потом срывали их с нее; бисексуалов, которые говорили женам, что идут гулять с ребятами, а проводили ночь с Жоржеттой (она пыталась представить себе, что это не они, а Винни), и причудливый осадок занимал у нее в голове всё больше места.

Узнав, что Винни условно освобожден, она приехала в Бруклин (предварительно купив десять дюжин бензедрина в таблетках) и провела всю ночь «У Грека», преследуя Винни повсюду в надежде остаться с ним наедине. Она купила Винни кофе с булочкой, уселась к нему на колени и принялась уговаривать его пойти прогуляться. Он отнекивался, утверждая, что еще уйма времени, любимая. Может, попозже. Жоржетта ерзала у него на коленях, теребила ему ушные мочки и, чувствуя себя молоденькой девчонкой на первом свидании, кокетливо смотрела на него. Дай мне тебя утешить, Винни, – с трудом сдерживая желание поцеловать его, обнять, погладить по бедрам, мечтая о тепле его промежности, представляя себе, как он нагишом держит ее за голову (не очень ласково) и крепко прижимает к себе, а она наблюдает, как сокращаются его мускулы, нежно проводя кончи-

ками пальцев по напрягшимся мышцам его бедер (он мог бы даже застонать в оргазме); ощущение, вкус, запах... Ну пожалуйста, Винни, – сон этот почти переносился в явь, от бензедрина делалось еще труднее не пытаться осуществить эту мечту *немедленно*.

Удерживало ее не опасение, что он отругает ее или ударит (это, как она считала, могло бы вылиться в ссору возлюбленных, а потом и в упоительное примирение) – нет, она знала, что, случись такое в присутствии его друзей (вторые скорее просто терпели ее, чем привечали, а то и использовали, чтобы уторчаться, когда оказывались на мели, или поразвлечься, когда им бывало скучно), чувство гордости заставит его и вовсе отвернуться от нее, и тогда не останется не только надежды, но, возможно, и мечты. Для пробы она положила руку ему на затылок и принялась крутить короткие волосы. Когда он оттолкнул ее, она вскочила – и захихикала, когда он шлепнул ее по попке. Она с важным видом подошла к стойке. Можно мне еще чашечку кофе, Алекс? А, пидор греческий? Она сунула в рот еще одну таблетку бензедрина и проглотила ее, запив кофе; опустила пятицентовик в музыкальный автомат и принялась покачиваться под блюзовую вещичку, исполняемую на тенор-саксе. Некоторые из сидевших «У Грека» захлопали в такт и заорали: Давай, Жоржета, давай! Положив руки на затылок, она начала медленно вихлять задницей и, приблизившись вплотную к одной из девиц, которые смеялись *над* ней, заехала ей бедром по фи-

зионии. Вот тебе, сучара! Когда музыка умолкла, она села у стойки, допила свой кофе, крутанулась несколько раз на табурете, остановилась, встала, изящно прижав руки к груди в мелодраматической манере певицы на концерте и дрожащим фальцетом пропела *un bel di*. Кто-то рассмеялся и сказал, что ей надо выступать на сцене. У тебя хороший голос, Жоржи. Ага, — со стороны той же девицы, — чтоб звать свиньей. Жоржетта обернулась, подбоченилась, склонила голову набок и надменно посмотрела на нее. Да что ты понимаешь в опере, мисс Хуесоска? Она запрокинула голову и в самой изящной своей дарственной манере не спеша вышла на улицу.

Впервые Винни арестовали, когда ему было двенадцать лет. Он угнал катафалк. По причине малого роста ему пришлось так низко сползти на сиденье, чтобы достать ногами до педалей, что коп, стоявший на углу, посмотрев на катафалк, остановившийся на красный свет, решил, что кабина пуста. Столь велико было удивление копа, когда он открыл дверцу и увидел за рулем Винни, что тот едва не успел переключить скорость и тронуться с места, но коп вовремя сообразил, в чем дело, и вытащил его из машины. Судья был удивлен не меньше полицейского, который произвел арест, и с некоторым трудом сдерживал смех, распекая Винни и заставляя его пообещать никогда больше не совершать таких скверных поступков. Ступай домой и будь паинькой.

Два дня спустя он угнал еще одну машину. На сей раз с друзьями, которые были постарше и лучше умели во-

дить автомобиль, не привлекая слишком большого внимания. Обычно они оставляли машину себе и ездили на ней в школу, когда не прогуливали уроки, до тех пор, пока не кончался бензин, после чего бросали ее и угоняли другую. Их много раз ловили, но Винни всегда отпускали, заставив пообещать, что он больше не будет. Он был так юн – а с виду еще моложе – и выглядел таким наивным, что ни одному судье и в голову бы не пришло счесть его преступником, и никто не решался отправить его в учреждение, где этот безобидный озорник мог бы научиться воровать. В пятнадцать лет его арестовали в одиннадцатый раз и отправили в исправительное учреждение для мальчиков. После освобождения с ним провел беседу представитель некой общественной организации, пригласивший его посетить клуб мальчиков, расположенный по соседству. За прошедший год Винни подрос и очень гордился умением драться лучше большинства своих сверстников, да и большинства тех, кто постарше. Затеяв забавы ради пары драк в мальчишеском клубе, он перестал туда ходить, да и приглашений больше не последовало.

Первый серьезный срок он схлопотал в шестнадцать лет. Он угнал машину и, мчась по Оушн-паркуэй (хотел проверить, как быстро сможет ехать тачка в случае, если придется удирать от копов), разбил ее. Сам он только глубоко поранил голову. Вызвали «Скорую» и полицию. Санитар «Скорой» перевязал ему голову и сказал полицейскому, что Винни вполне здоров и его можно забирать в участок. Когда двое

полицейских помогали ему подняться по ступенькам участка, Винни еще не полностью отдавал себе отчет в том, что случилось, но понимал, что это копы. Он столкнул одного со ступенек, сбил второго с ног ударом кулака и был таков. Возможно, ему удалось бы улизнуть, но он пошел к «Греку» и показал друзьям рану на голове, поведав им о том, как разделался с двумя копами.

Ему разрешили признать себя виновным в мелком преступлении и вынесли приговор: от года до трех лет.

Судя по всему, сидеть ему даже понравилось. В тюрьме он с помощью булавки и чернил наколол на запястье свой номер и всем показывал его, когда вернулся. Сразу после условного освобождения он направился к «Греку» и просидел там всю ночь, захлебываясь рассказывая о том, что вытворял, пока мотал срок. Многие из собравшихся «У Грека» сидели когда-то в той же тюрьме, и они болтали об охранниках, о работе, прогулочном дворе и своих камерах. На другой день были ранены при попытке ограбить магазин трое вооруженных бандитов. Один умер мгновенно, а двое в критическом состоянии попали в больницу. Прослышав об этом, Винни купил газету, вырезал заметку с фотографиями и долго, пока захватанная бумага не превратилась в труху, носил с собой, сообщая всем и каждому, что это его друзья. Я с этими ребятами срок тянул. Знаешь этого малого, Стива, которого ухлопали? Это мой кореш. Мы с ним вместе на нарах прохлаждались. Были просто неразлейвода, чувак. Весь прогулочный двор был

у нас в руках. Мы всю масть в тюрьме держали, каждое наше слово – закон. Нас даже в карцер посадили вместе. Двое недоносков отказались отдавать нам дачки из дома, так мы живого места на них не оставили. Точно говорю, чувак, мы были просто неразлейвода.

Лавры знакомого некоего типа, убитого полицейскими во время ограбления, были самым значительным фактом его биографии, и воспоминанием об этом факте он дорожил, словно престарелый инвалид, который до конца своей безотрадной жизни хранит память о победном голе, забитом на последней минуте решающей игры сезона.

Винни получал удовольствие, отказывая Жоржетте, когда та пыталась уговорить его с ней прогуляться, шлепая ее по заднице и твердя, не сейчас, мол, любимая. Может, попозже. Ему было приятно, что кто-то пылает к нему такой страстью. Даже если это гомик. Он подошел вслед за ней к стойке, где она уселась, облизывая палец и сунул ей в ухо, рассмеявшись, когда она принялась ерзать и хихикать. Жаль, тебя не было со мной в тюрьме. Я потягивал там пару милашек, но у них не было таких булочек, – снова шлепнул ее по заднице и посмотрел на остальных, улыбаясь и ожидая, что все улыбнутся, по достоинству оценив его остроумие. Теперь я беру за свои услуги кучу бабок, сладкая булочка, – снова повернулся к остальным, желая убедиться, что все понимают: Жоржетта в него влюблена, и ему ничего не стоит натянуть ее в любой момент, но он спокойно ждет, когда она отстег-

нет ему бабки, и только потом соизволит разрешить ей себя ублажить; чувствуя свое превосходство над остальными, потому что знал Стива, которого убили козлы-полицейские, и потому что Жоржетта умна и способна одними словами стереть всех в порошок (в то же время заранее ненавидя любого другого, кто вздумает употреблять многосложные слова, и считая недоноском каждого, кто учился в школе), но (в силу своего беспросветного скудоумия принимая ее чувство одиночества за уважительное отношение к его силе и потенции) никогда даже не попытается проделать нечто подобное с ним.

Он направился вслед за Жоржеттой на улицу, обернувшись по дороге, чтобы посмеяться над девицей, которую оскорбила Жоржетта, – она сидела, отчаянно пытаясь найти какие-то слова, но язык не ворочался от бешенства, отражавшегося у нее на лице. Она сплюнула и обозвала его треклятым ублюдком и извращенцем. Жоржетта обернулась, держа сигарету средним и указательным пальцами правой руки, вывернутой и вытянутой, левую уперев в бок, и надменно взглянула на побагровевшее лицо. Что же служит тебе оправданием, грубиянка? Ты где позабыла свое естество – в манде или в выгребной яме?

Винни рассмеялся, пытаясь сделать вид, будто оценил слова Жоржетты (лишь смутно сознавая, что, *возможно*, чего-то в этих словах не понял), толкнул девицу, рванувшуюся было к двери, обратно на стул, вышел, потрепал Жоржетту

по щеке и достал у нее из кармана сигарету. Значит, говоришь, прогуляться? Может, я даже разрешу тебе меня ублажить. Ах, ты же деньги берешь! – надеясь, что он не шутит, и пытаясь в самой изящной своей манере вести себя по-женски скромно. Тебе это обойдется всего в пятерку, – прислонился к крылу стоявшей у тротуара машины и посмотрел в открытую дверь «Грека» на остальных, желая убедиться, что они всё видят и слышат. Меня поражает твое великодушие, Винсент, – игнорируя его претензии: Меня зовут Винни, и забудь это дерьмовое имя Винсент! – и желая поиметь его, даже если все-таки придется платить, но не желая строить с ним отношения на деловой основе. Она даст ему денег, если он захочет, но только не в *тот* момент; если она так поступит, это не только загубит, или по крайней мере замарает мечту, но и превратит ее, Жоржетту, в его клиента, а это будет невыносимо, особенно после столь долгого ожидания. Она знала, что, пока все остальные здесь, он не займется ею, опасаясь, как бы его не начали дразнить жертвой гомика, и потому вынуждена была ждать и надеяться, что все разойдутся. Рассуждая таким образом, и все же в глубине своей забензедриненной души надеясь, что ошибается и что он возьмет ее под руку и они вместе уйдут, она продолжала вести свою игру. Да будет тебе известно, что у меня десятки клиентов, которые мне платят, причем не какие-то жалкие пять долларов.

А я с тебя ничего не возьму, Жоржи, – внезапно схватив

ее за ухо. Не трогай меня, Гарри, гнусный урод, – оттолкнув его руку и попытавшись ударить по ней ладонью. Уж с тобой-то я сексом заниматься не собираюсь. Гарри достал из кармана свой кнопочный нож, раскрыл его, закрепил выскочившее лезвие, пощупал лезвие и острое и двинулся на Жоржетту, а та попятилась, отмахиваясь от него слабыми руками. Стой смирно, и я сделаю из тебя настоящую женщину без всякой поездки в Данию. Они с Винни рассмеялись, а Жоржетта продолжала пятиться, вяло вытянув руки. Ты же не хочешь, чтобы у тебя между ног болталась эта большая сосиска, Жоржи, малыш. Давай я ее отрежу. Вовсе она не большая, всего-то с мизинец, – она пыталась унять свои страхи, вообразив себя героиней, – и отстань от меня.

Гарри незаметно метнул в нее нож и крикнул: соображай быстрее! Она приподняла ногу, закрыла лицо руками, отвернулась и пронзительно закричала, а нож, ударившись о стену у нее за спиной, упал на тротуар и отлетел на несколько футов. Гарри с Винни смеялись. Винни подошел к ножу и поднял его. Жоржетта пошла прочь, по-прежнему визгливо крича на Гарри. Ах ты, гнусный урод! Ах ты, пидор неандертальский! Ах ты... Винни метнул нож, крикнув: соображай быстрее! Жоржетта подпрыгнула, сделала пируэт, пытаясь увернуться от ножа, завопила, умоляя их прекратись (лишь благодаря бензедрину не начиналась истерика), но они смеялись, смелея по мере того, как усиливался ее страх; швыряя нож все сильнее и ближе к ее ногам; нож летел мимо и отска-

кивал в сторону, его подбирали и снова швыряли в приплясывающие ноги (всё это напоминало сцену из второразрядного вестерна); смех, прыжки и пируэты прекратились сразу, как только лезвие ножа вонзилось ей в икру ноги (будь это доска, а не плоть, лезвие вибрировало бы и дребезжало, как натянутая струна). Жоржетта недоуменно посмотрела на рукоятку с небольшой видимой частью лезвия, торчащего из ноги, слишком удивившись, чтобы почувствовать, как по ноге струится кровь, подумать о ране или об опасности, просто уставилась на нож, пытаясь понять, что произошло. Винни и Гарри стояли и смотрели. Гарри пробормотал что-то насчет классного броска, и Винни улыбнулся. Жоржетта подняла голову, увидела, что Винни ей улыбается, снова взглянула на нож и закричала, что ей испортили новые слаксы. Все остальные, наблюдавшие из забегаловки, рассмеялись, а Гарри спросил ее, что за штуковину она выращивает у себя на ноге. Жоржетта попросту обозвала его разьебаем, доскакала на одной ноге до ступеньки у боковой двери «Грека» и медленно села, стараясь не шевелить вытянутой ногой. Гарри спросил, не хочет ли она, чтобы он выдернул нож, и она закричала, послав его к черту. Наклонившись, осторожно взявшись кончиками пальцев за рукоятку и закрыв глаза, она дернула для пробы, а потом медленно вытащила нож из ноги. Она вздохнула и выронила нож, потом прислонилась спиной к дверному косяку, слегка согнула ногу, протянула руку и сняла туфлю. Туфля была наполнена

кровью. Действие бензедрина уже почти кончилось, и когда она вылиwała кровь из туфли, ее всю трясло. Кровь брызгала, проливаясь на тротуар, маленькая лужица, ручейками растекаясь по трещинам в асфальте, смешивалась с грязью и исчезала... Жоржетта завопила и обругала Гарри.

В чем дело, Жоржи? Бедной маленькой девочке бо-бо? Она хрипло закричала. Вы меня ранили! Ах вы, уроды поганые, вы меня ранили! С мольбой в глазах она посмотрела на Винни, пытаясь вновь взять себя в руки (действие бензедрина уже совсем кончилось и сменилось паникой), надеясь снискать его сочувствие, глядя на него нежно, как возлюбленная, прощающаяся навсегда, а Винни рассмеялся, подумав, что она очень похожа на собаку, выпрашивающую кость. В чем дело? Ты что, порезалась?

От ярости и страха она едва не потеряла сознание, а все остальные хохотали во всё горло. Она посмотрела на лица, слившиеся в одну сплошную массу, и ей захотелось надавать всем пинков и оплеух, заплевать и исцарапать эти рожи, но когда она попыталась шевельнуться, боль в ноге остановила ее, и она снова прислонилась к косяку, уже полностью ощущая свою ногу и впервые думая о ране. Она задрала штанину до колена, содрогнувшись, почувствовав, что штанина пропиталась кровью, и взглянула на рану – кровь еще сочилась, – на пропитавшийся кровью носок и на лужицу крови под ногой, стараясь не обращать внимания на свист и крики: молодчина, девочка, снимай!

Винни сходил к «Греку», взял у Алекса пузырек йода, вышел и велел Жоржетте ни о чем не волноваться. Я тебя вылечу. Он приподнял ей ногу, залил рану йодом и рассмеялся вместе со всеми, когда Жоржетта закричала и вскочила, схватившись обеими руками за раненую ногу и запрыгав на другой. Они свистели и хлопали в ладоши, а кто-то запел «Танцуй, балерина, танцуй». Жоржетта упала на землю, по-прежнему отчаянно стискивая ногу, и села посреди тротуара, в пятне света, льющегося из забегаловки, — одна нога поджата, другая поднята и согнута в колене, голова опущена между ног — ни дать ни взять клоун, изображающий танцовщицу.

Когда боль немного утихла, Жоржетта встала, вновь допрыгала на одной ноге до ступеньки, села и попросила носовой платок, чтобы перевязать рану. Ты что, спятила? Я не хочу, чтобы ты испачкала мне весь платок. Снова смех. Винни галантно выступил вперед, вытащил из кармана платок и помог ей перевязать ногу. Вот и всё, Жоржи. Все в порядке. Она молча уставилась на кровь. Рана все увеличивалась и увеличивалась; в ноге стремительно начиналось заражение крови; вот оно уже распространилось почти до самого сердца; зловоние гангрены, запах ее гниющей ноги...

Ну ладно, давай скорей. Что? Что ты сказал, Винни? Я говорю, давай бабки, я поймаю тачку, и ты поедешь домой. Мне нельзя домой, Винни. Почему? Дома брат. Ну и куда же ты поедешь? Не можешь же ты сидеть здесь всю ночь. Поеду

в больницу. Там мне, наверное, вылечат ногу, а потом поеду на Верхний Манхэттен к Мэри. Ты что, спятила? В больницу ехать нельзя. Они как увидят твою ногу, сразу захотят узнать, что случилось, а потом опомниться не успеешь, как легавые постучатся ко мне в дверь, и я опять окажусь на нарах. Я ничего им не скажу, Винни. Ты это знаешь. Честное слово. Иди ты в жопу пороссячью! Там тебя схватят, сделают какой-нибудь укольчик, и ты заговоришь как миленькая, вспомнишь даже все позабытые фильмы и радиопередачи. Я поймаю тачку и отвезу тебя домой. Не надо, Винни, ну пожалуйста! Я ничего им не скажу. Обещаю. Скажу, что это сделали какие-то незнакомые мальчишки, – крепко сжимая ногу обеими руками, раскачиваясь взад и вперед в неизменном гипнотическом ритме и отчаянно пытаясь не впадать в истерику и не обращать внимания на пульсирующую боль в ноге. Ну пожалуйста! Дома брат. Нельзя мне сейчас домой! Слушай, я не знаю, что сделает твой брат, да и насрать мне на это, зато знаю, что сделаю я, если ты сейчас же не заткнешь свое хлебало.

Он направился на авеню ловить такси, а Жоржетта всё кричала ему вслед, моля и обещая все на свете. Ей не хотелось ссориться с Винни, не хотелось ему разонравиться, не хотелось его раздражать; но ей было известно, что произойдет, когда она придет домой. Мать расплачется и вызовет врача. И даже если брат не найдет бенни (выбросить таблетки она не могла, а для одного заглота их было слишком мно-

го), врач все равно догадается, что она что-то принимает, и всё разболтает. Она знала, что они ее разденут и увидят на ней узенькие красные трусики с блестками – как у стриптизерши. Возможно, на косметику брат внимания не обратит (когда увидит ее ногу и всю эту кровищу; и когда мать испугается за нее и велит брату оставить ее в покое), но уж закрывать глаза на трусики и бенни ни за что не станет.

Но больше всего она боялась отнюдь не этого; отнюдь не то, что брат ее отшлепает, вновь вселяло в нее тот страх, от которого она едва не теряла сознание, который заставлял ее вспомнить (правда, ненадолго) о молитве и забыть о запахе гангрены. Это было сознание того, что ей придется несколько дней, а то и неделю, просидеть дома. Доктор велит ей беречь ногу, пока рана не заживет, и мать с братом будут следить за соблюдением указания врача. И она знала, что они не пустят к ней никого из подружек, а у нее нет ничего, кроме бензедрина, который, вероятно, найдут и выбросят. Дома ничего не припрятано. И негде раздобыть. Неделю, а то и больше, сидеть дома на полном голяке. Да я свихнусь! Так долго я не выдержу. Они меня достанут. Достанут. О боже, боже, боже...

У входа к «Греку» остановилась тачка, Винни вышел, и они с Гарри помогли (силком) Жоржетте сесть на заднее сиденье. Она продолжала упрашивать их, молить. Сказала им, что у нее есть клиент, маклер с Уолл-стрит, что она собирается увидеться с ним в выходные, и он раскошелится не

меньше чем на двадцатку. Я отдам ее вам. Даже больше дам. Я знаю, где вы без всяких хлопот сможете разжиться не одной сотнягой. У меня есть знакомые педрилы, владельцы художественной лавки в Виллидже. Вы запросто сможете их грабануть. У них там всегда куча денег. Никаких хлопот... Винни отвесил ей оплеуху и велел заткнуть хлебало, пытаюсь при этом выяснить, обращает ли водитель внимание на ее слова, и объясняя ему – почти бессвязно, – что-то насчет того, что подружка, мол, попала в аварию и еще вроде как в шоке.

Несколько кварталов до дома Жоржетты они проехали меньше чем за три минуты. Когда такси остановилось перед домом, Винни достал у нее из кармана мелочь, а из ее бумажника – три долларовые купюры. Это всё, что у тебя есть? Если отвезешь меня в больницу, через несколько дней я дам тебе еще. Слушай, если ты сейчас не пойдешь домой, мы тебя сами отнесем и скажем твоему братцу, что ты хотела снять пару морячков, а они тебя ножичком пырнули. Зайдешь завтра ко мне, один? Ага, конечно. Завтра зайду, – подмигнув Гарри. Жоржетта, позабыв на минуту недавние страхи и вспомнив прежнюю мечту, силилась ему поверить и уже представляла себе свою комнату, кровать, Винни...

Волоча ногу, она с трудом добрела до входа в дом, остановилась в прихожей, сунула в рот пригоршню бенни, разжевала их и проглотила. Прежде чем постучаться в дверь, она обернулась и крикнула Винни, чтобы он не забыл насчет

завтра. В ответ Винни только посмеялся.

Винни с Гарри ждали в такси, пока не увидели, что дверь открылась, Жоржетта вошла и мать закрыла за ней дверь, а потом они расплатились с водителем. Выйдя из такси, они пошли по улице на проспект, завернули за угол и потопали обратно к «Греку».

Дверь закрылась. Сто раз. Закрылась. Даже тогда, когда дверь распахнулась, Жоржетта уже слышала, как она с шумом захлопывается. Закрылась. Десятки дверей, точно множество картинок, судорожно оживающих при помощи большого пальца, движущихся беспорядочными тенями... и щелканье, щелчок, треклятый щелк-щелк-щелк задвижки – и дверь с шумом захлопывается. ЗАХЛОПЫВАЕТСЯ. Вновь и вновь и вновь С ШУМОМ ЗАХЛОПЫВАЕТСЯ дверь. Тысячу печальных раз. ХЛОП-ХЛОП. ХЛОП. С неизменным шумом. И никакого стука. Вообрази стук в дверь. Ну, напрягись. Тук-тук. Ну пожалуйста, прошу! О боже, стук! Пусть будет стук. Пусть кто-то постучится. Чтобы войти. Может, кто-нибудь постучится? Голди с бенни. Да хоть с чем угодно. И кто угодно. Закрылась. Закрылась. ХЛОП-ХЛОП. ХЛОП! ЗАХЛОПНУЛАСЬ!!! О господи, ЗАХЛОПНУЛАСЬ! И больше мне не выйти. Только ворочаться в постели. В этой гнусной, гнусной постели (ВИННИ!!!), а этот пидор гнойный, этот врач, мне ничегошеньки не даст. Даже кодеина. А как пульсирует! Пульсирует. Пульсирует и болит. Я чувствую, как пульсация поднимается вверх по ноге,

чувствую боль. Болит ужасно. Ужасно. Просто ужасно. Мне нужно что-нибудь от боли. О боже, не могу же я сидеть на голяке! И выйти не могу. Даже к Пьянчужке. Может, у нее *что-нибудь* есть. Пусть она придет. Я не могу выйти. Выйти. Поправиться... (дверь захлопнулась, мать подняла голову и сразу заметила странное выражение на лице сына, широко раскрытые глаза, потом кровь на его слаксах, а когда подбежала к нему, она оперлась о материнское плечо и расплакалась, ей хотелось поплакаться матери в жилетку, чтобы та выслушала ее и погладила по головке (Я люблю его, мама. Люблю и хочу его.); она знала, что должна напугать маму, чтобы оказаться под защитой ее сочувствия, а может, мама уложит ее в постель (ей хотелось бегом бежать к кровати, но она знала, что должна хромать, чтобы произвести впечатление), уложит ее в постель, прежде чем в комнату войдет брат. Может, удастся спрятать бенни. Надо попробовать! Мать пошатнулась, и они поковыляли к кровати (бежать нельзя), она хотела, чтобы мама была рядом, хотела утешения; и почувствовала себя спокойнее, в большей безопасности, когда мать побледнела и у нее задрожали руки; но прикидывала при этом, далеко ли можно зайти, разыгрывая эту сцену, чтобы мать была должным образом обеспокоена и все же сумела защитить ее от Артура... а ей все же удалось бы спрятать бенни) ...

Почему бы ему не пойти куда-нибудь? Почему он все время сидит дома? Эх, вот если бы он умер! Сдохни, сукин сын!

УМРИ! (Что случилось с маменькиной дочуркой? Что, ножкой-мошкой ударилась, да, Жоржи-моржи? Не трогай меня, пидор! Нет, вы только посмотрите, кто тут кого пидором обзывает! Смех да и только! Ха! Ах ты, урод! Урод УРОД УРОД УРОД! А ты подонок паршивый! – Жоржетта еще тяжелее оперлась на мать и, застонав, поболтала из стороны в сторону раненой ногой. Ну пожалуйста, Артур! Прошу тебя! Оставь брата в покое. Он ранен. Он сейчас сознания лишится от потери крови. Брата? Неплохая шутка! Ну пожалуйста! – Жоржетта застонала громче и начала сползать с материнского плеча (только бы добраться до кровати и спрягать бенни. Спрягать бенни. Спрятать бенни); пожалуйста, не надо больше! Только не сейчас. Просто вызови врача. Мне. Ну пожалуйста!) Лишь бы он отстал. Или просто ушел бы на кухню... Милашка Жоржи, лакомый кусочек... Почему они так со мной поступают? Почему не оставят меня в покое??? (Артур посмотрел на брата, фыркнул от отвращения и пошел звонить, а Жоржетта в исступлении попыталась достать из кармана бенни, но слаксы были такими тесными, что она не смогла засунуть руку – для этого пришлось бы отойти от матери, но отойти она боялась. Она повалилась на кровать, повернулась набок и попыталась достать таблетки и сунуть под матрас, а то и под подушку (да, под подушку), но мать решила, что она ворочается от боли, и взяла ее за руки, пытаясь успокоить и утешить сына, веля ему попробовать расслабиться, скоро, мол, придет доктор, и тебе станет легче.

Всё будет хорошо... И тут вернулся брат, посмотрел на мать, потом на разорванные слаксы, на кровь и сказал, что лучше снять штаны и смазать рану мерброминном. Жоржетта попыталась высвободить руки, но мать сжала их покрепче, пытаясь впитать сыновью боль, а Жоржетта яростно сопротивлялась, пытаясь вцепиться в свои слаксы и помешать брату их стащить. Она кричала и брыкалась, но боль при этом и вправду запульсировала во всей ноге, она пыталась укунить мать за руку, но брат прижал ее голову к кровати (трусики! Бенни!!!). Перестань. Перестань! Отвяжись от меня! Не позволяй ему. Пожалуйста, не позволяй ему! Все будет хорошо, сынок. Скоро придет доктор. Никто не хочет сделать тебе больно. Ах ты, пидор гнойный, перестань! Перестань! ПЕРЕСТАНЬ же, сукин сын, педрила, – но брат ослабил пояс, схватил штаны за отвороты, и Жоржетта завопила, а мать заплакала, роняя слезы ей на лицо и умоляя Артура быть поосторожней. Артур стягивал штаны медленно, но все же содрал с раны корку, и начала сочиться, потом потекла по ноге кровь. Жоржетта с криком и слезами упала навзничь, а Артур уронил штаны на пол и уставился на брата... глядя, как на простыню струится кровь, как дергается нога... слушая, как плачет брат, и едва ли не смеясь от удовольствия, мало того – с радостью видя страдание на лице матери, которая смотрит на Жоржетту, обнимает его, гладит по головке и мурлычет что-то, смахивая слезы... Артуру хотелось наклониться и врезать ему по роже, по этой гнусной

намазанной роже, хотелось расцарапать ногу и послушать, как будет вопить его женоподобный братец... Он выпрямился, минуту постоял в ногах кровати, вполуха слушая рыдания и собственные мысли, потом зашел сбоку и принялся дергать за красные, украшенные блестками трусики-полоску. Ах ты, мерзкий выродок! Набрался наглости валяться тут в этой штуковине на глазах у моей матери! Он дернул и отвесил Жоржетте оплеуху, мать молила, успокаивала, плакала. Жоржетта вертелась и царапалась, тесная полоска ткани обдирала ей раненую ногу, а мать все умоляла Артура оставить брата в покое... БРАТА?.. а он тащил и дергал, стоя над ними и крича, пока не снял трусики и не отшвырнул их прочь, в другую комнату. Как ты можешь обнимать его? Он же просто грязный гомик! Ты должна вышвырнуть его на улицу. Это же твой брат, сынок. Ты должен помогать ему. Это мой сын (он мое дитя. Мое дитя), я люблю его, и ты должен его любить. Она принялась раскачиваться, убаюкивая Жоржетту. Артур опрометью выбежал из дома, Жоржетта повернулась на спину и попыталась дотянуться до слаксов с бенни, но мать по-прежнему обнимала ее, уверяя, что все будет хорошо. Всё будет хорошо.)

Ну пожалуйста, пожалуйста, прошу... Зачем вы меня мучите? Суки. Грязные суки. Ну выпустите меня. Пусть кто-нибудь придет. Я не хочу быть в одиночестве. Ну пожалуйста, пусть что-то принесут! Всё что угодно. Ради всего святого! Мне плохо. ПЛОХО! Не могу я оставаться в этой комна-

те. В этой грязной комнатенке. Пусть придет Винни. И забереет меня. Винни. О Винни, мой любимый! Забери меня отсюда! Здесь мерзко. Мерзко. А я любила карусель. Мой лакомый кусочек. Винни... (доктор молча заглянул ей в глаза, потом осмотрел ногу. Он промыл рану, осторожно прозондировал ее, Жоржетта застонала, надеясь, что он что-нибудь пропишет, и принялась вертеться на кровати, пытаясь свеситься с края и дотянуться до слаксов, а доктор что-то пробурчал. Мать наблюдала, вся дрожа, а Жоржетта умоляюще смотрела на нее, желая ласки и защиты, но до слаксов дотянуться не могла. Господи, почему же я никак не дотянусь? Она перестала вертеться и заплакала. Мать погладила ее по голове, а доктор забинтовал ногу, велел Жоржете несколько дней не снимать повязку и прийти к нему, когда ей станет лучше. Он закрыл свой саквояж (защелкнул. Запер. С шумом запер!), улыбнулся и сказал миссис Хансон, что Джорджу лучше несколько дней не принимать гостей. Та кивнула (Жоржетта медленно наклонилась к краю кровати – когда они направились к двери) и поблагодарила его. Не надо провожать меня, не беспокойтесь. Я сам найду выход) – даже ни одной таблетки кодеина. Ничегошеньки. Эх, не будь там этого ебаного Гарри... Этого урода. И этих сук паршивых. Двух-центовых блядей. Даже ни одной таблетки нембутала. Хоть одну-то мог бы дать. Вообще-то рана пустяковая. Отлежаться несколько дней – и все дела. Дней. Дней. Дней... ДНЕЙ. ДНЕЙ!!! Стены рухнут. И меня раздавят. Мама! Ну мама!

Мама! Дай мне что-нибудь. Пожалуйста. Хоть что-нибудь! Попробуй расслабиться, сынок. Нога скоро заживет. Нога?.. (Не надо! Артур, ради бога, перестань! Перестать? Ты это видишь? Видишь их? Опять эти треклятые колеса. Вот что это такое. Колеса. Короче, миленький мой *братец*, больше ты их не увидишь! Отдай их мне! Ну отдай! Мама, ну скажи ему, пусть отдаст! Заглохни, а то прикончу! Слышишь? Клянусь, я тебя убью! Все время реवेशь. Мамуля то, мамуля сё. Стоит только чуть поцарапаться... Артур! Перестань! Он постоял, дрожа, вцепившись в спинку кровати и глядя, как брат ползает и корчится там, прячась за спиной мамули и ожидая от мамули любви и поцелуев... потом сунул таблетки в карман, резко повернулся, вытащил коробки из недр чулана и вывалил все на пол... Мамуля то, мамуля сё... разрывая в клочья Жоржеттины бабские наряды, ее восхитительные платья и шелка, топча ее туфли... Видишь это, мама? Видишь? Смотри. Смотри, какая мерзость! Ну Артур... Смотри. Нет, ты только ПОСМОТРИ! Мужчины спят с мужчинами. Это же нехорошо, правда? Артур, ну пожалуйста! Ну и как? Правда, нехорошо? Правда? ПРАВДА??? Извращенцы. Вот кто они такие. ИЗВРАЩЕНЦЫ!!! Лучше бы ты сдох, *Жоржи*! Лучше б ты свалил из дома и сдох! Перестань. ПЕРЕСТАНЬ! Ради бога, Артур, перестань! Я больше этого не вынесу. Ну что ж, я тоже. Ты всё это видела. Теперь ты знаешь, кто он такой на самом деле. Выродок. Грязный выродок! Артур, ну пожалуйста, ради меня! Я это знаю. Знаю. Оставь брата в по-

кое. Пожалуйста! *Брата*???) – О боже, они меня достанут! Они же знают, что я не могу сидеть на голяке. Знают. Век бы их не видеть! Да и смотреть-то не на что. За что? Почему никто мне не поможет? Я не хочу быть в одиночестве. Я этого не вынесу, Ну помогите мне, прошу! У Голди есть хотя бы бенни. Я не могу сидеть на голяке. Все время в одиночестве. О боже, боже, боже... за что??? Мамуля! Мамуля! О боже, мне что-то нужно. Эти противные клиенты! Все время? Я не хочу быть натуралом. Мне просто что-то нужно. Я сойду о ума. Они держат меня на голяке. На голяке. Почему они хотят меня убить? – а комната почти без тени все сжималась, Жоржетта искала темный уголок, но не было ни одного, лишь полутень там, где дверь чулана частично закрывала доступ свету из большой комнаты. Жоржетта закричала... оглядела комнату. Взглянула на кровать. Приподнялась и снова закричала... потом медленно свесила ноги и осторожно коснулась ими пола... встала... доковыляла до двери и посмотрела на мать, спящую в кресле. Оделась, взяла из материнной сумочки деньги и ушла. Выйдя на крыльцо, она вдруг поняла, что не знает ни который час, ни какой сегодня день. Но солнце уже село. Опираясь о машины на стоянке, она с трудом добрела до угла и остановила такси, молясь, чтобы Голди была дома. Потом назвала водителю адрес и подумала о квартире Голди и о бенни.

Когда она добралась до Голди, одна из девочек помогла ей подняться по лестнице и дойти до кресла. Она попросила,

чтобы кто-нибудь закурил ей сигарету, откинулась на спинку кресла, закрыла глаза, позволив руке и телу задрожать, с трудом вытянула ногу и застонала. Девочки, сгрудившись вокруг, задавали вопросы, удивлялись, восторгались зрелищем и бурно радовались неожиданному нарушению однообразия – однообразия последних нескольких дней, которое осточертело им даже с бенни и травой и вынуждало их сидеть, просто сидеть, скулить по поводу жары, точно усталые клиенты, вспоминать о взбучках, полученных от хулиганов, и о пристальных взглядах натуралов. А Жоржетта кривила лицо от боли, хоть и не слишком заметно, и они удивлялись и восторгались. Голди дала ей полдюжины бенни, она поспешно проглотила их, запила горячим кофе – и сидела молча... пытаясь сосредоточиться на действии бенни (и позабыть о своей комнате и о прошедших нескольких днях); не желая дожидаться, когда бенни растворится, абсорбируется кровью и растечется по организму; желая, чтобы *немедленно* начало сильно колотиться сердце; чтобы *немедленно* начался легкий озноб; желая *немедленно* начать врать. Немедленно!!! Когда она открыла глаза и с висящими плетью руками печально покачала головой, все затараторили и завизжали... Шепотом заговорив, она стала отмахиваться от вопросов, кивать и, медленно поднося к губам сигарету, делать неглубокие астматические затяжки. Ей дали еще кофе – пошла приятная дрожь, заколотилось сердце, – она закурила еще одну и слегка выпрямилась в кресле. Голди спросила, стало ли ей луч-

ше, и она сказала, да, мол. Немного лучше, спасибо. Пыхнуть не хочешь? А что, у вас есть? Конечно, голубушка. Голди дала ей косяк, и Жоржетта глубоко вдохнула дым, из всех сил стараясь не закашляться. А все смотрели и ждали, когда Жоржетта наконец отгаает и накрасится – когда можно будет засыпать ее вопросами. Ну что ж, должна сказать, сейчас ты выглядишь гораздо лучше. А то когда пришла, на тебе просто лица не было. Я несколько дней была на голяке. Дней? Что случилось? Да, расскажи, голубушка. Есть еще пыхнуть, Голди? Конечно. Ты что, так и будешь сидеть всю ночь или все-таки расскажешь, что случилось? Да будет тебе, мисс Ли! Ты что, не видишь, бедняжка очень нервничает! Орать не обязательно, мисс Щель. Мне просто до смерти хочется узнать, что случилось, только и всего. Ничего, ничего, голубушка... Ах, спасибо, Голди!.. Я все понимаю. Сейчас, только возьму себя в руки, и все расскажу. Она докурила второй косяк и рассказала им о том, как была ранена; как все затеял этот урод Гарри; как врач не дал ей ничегошеньки – даже ни одной таблеточки немби; и как ее держали в комнате взаперти и никого к ней не пускали, а я слышала, как пару раз приходил Винни, но его тоже не пустили; и как она презирает своего братца, этого уroda, и как одним ударом сбила его с ног и напрямик вышла из дома. То есть напрямик мимо него, голубушка, напрямик мимо него – эх, видела бы ты его рожу! Он так и обалдел, просто обалдел. Да, врезала я ему от души! Ах, как чудесно! Просто чудесно! Ах, жаль,

меня там не было! С удовольствием бы посмотрела, как ты вырубаешь этого здоровенного уroda. Никогда не забуду, какую гнусную сцену он нам закатил. Никогда! Все эти натуралы – сплошь подонки. Все захлопали в ладоши, заохали, заахали и решили устроить вечеринку в честь Жоржетты и победы над Артуром.

Голди послала Рози – слабоумную бабенку женского пола, служившую у них кем-то вроде уборщицы – за джином, сигаретами и новой партией бенни. Они сварили кастрюльку бульона и принялись плясать вокруг нее, бросая в бульон таблетки и приговаривая «бенни в бульоне, бенни в бульоне», – стряхивая с себя страх и скуку, хихикая, глотая бенни, попивая джин, провозглашая тосты за Жоржетту: Да здравствует КОРОЛЕВА! – и за победу над Артуром. Так ему и надо, уроду, нет, точно, поделом ему, так будет с каждым грубияном и натуралом, с каждым сукиным сыном, кто хоть раз ударит их или покажет пальцем и засмеется. Они приплясывая носились по всей квартире, пока не упали в кресла, пытались перевести дух и обмахиваясь веерами. А Рози принесла бульон, лед и джин, и они заговорили потише, по-прежнему смеясь, вновь и вновь упрашивая Жоржетту рассказать им, как она врезала бритцу и сбила его с ног... Потом, постепенно, все затихли, не в силах больше кричать, и сидели развываясь, молча растащившись и начиная осознавать отсутствие мужчин – их приподнятое настроение, их безудержная радость сделали отсутствие любви особенно заметным. Поэто-

му подданные обратились к королеве с нижайшей просьбой пригласить ее удалого супруга и его неотесанных мужланов, ибо сегодня им ничего не страшно, и даже Камилла, хилый гомик из маленького городка, в Нью-Джерси, и та жаждет грубых объятий – и чтобы никаких, ну абсолютно никаких клиентов. Тогда Жоржетта, воспарившая в своем мире наркоты, позвонила к «Греку», залилась краской (Ах, как трепещет мое либидо!), услышав голос Винни, и захлопала глазами, когда он сказал: привет, сладкая булочка, где ты пропадала? Да так, развлекалась кое с кем, любимый, – улыбаясь подружкам и слишком сильно растащившись, чтобы волноваться из-за них, – я усек твой бред собачий насчет любимого. Но все равно это не бесплатно. Она попросила его приехать с кем-нибудь из ребят, утвердительно захихикав, когда он спросил, уж не торчит ли она, сообщила, что у них море джина, и велела не волноваться насчет бабок на бензин на обратную дорогу, а Винни сказал, что, может, они и приедут (забавы ради), и Жоржетта продолжала говорить после того, как Винни бросил трубку, – вихляя бедрами, она вздохнула, ах, Винни, детка, и, вздыхая, медленно положила трубку на рычаг. Ее стали расспрашивать, приедут ли они, сколько и когда, а Жоржетта – ноль эмоций. Она царственной походкой вернулась на свой трон и велела девочкам угомониться. Право же! Можно подумать, у вас целую вечность не было настоящего мужчины. Если им не подвернется никакого дельца, они будут здесь через часок, так что сидите пока со

скрещенными ногами, — игриво поводя руками и снисходительно, загадочно улыбаясь. Они выпили еще бульона, захавали еще бенни и принялись сплетничать. Камилла нервничала — ей еще не доводилось встречаться с бывшим арестантом. У нас в городе таких типов днем с огнем не сыщешь. В сущности, до Голди она в глаза не видела гомиков с понятием. У них в городке все гомики были либо тайными педрилами, либо лесбиянками, вот она и сидела как на иголках, то и дело вскакивая, принимаясь носиться по комнате и задавать вопрос за вопросом. Жоржетта рассказывала ей небылицы о сломанных носах и перерезанных глотках, а Камилла охала и визжала, с удовольствием ощущая, как от смутных опасений у нее сосет под ложечкой. Она сказала, что чувствует дурноту и просто обязана принять ванну. Все рассмеялись и принялись ее журить, а Жоржетта защищала Камиллу от упреков, пока та наполняла одну из ванн на кухне и выкладывала свои щетки: по одной для спины, для живота, для груди, для рук, для ног, для ступней, для ногтей на пальцах ног, для кистей рук, для ногтей на пальцах рук — и специальную баночку крема для лица. Она разложила их в ряд, ручками к себе, и начала с левой, для спины. Подружки велели ей поторапливаться, чтобы не подвергнуться нападению прямо во время купания, а она жутко испугалась, надо совсем ничего не соображать, чтобы болтать такое. Она так перепугалась, что чуть не пукнула со звуком.

Камилла уже закончила купание, собрала свои щетки и

наряжалась в ванной, когда раздался звонок. Жоржетта едва не бросилась к двери, но сдержалась, откинулась на спинку кресла, склонила голову набок, надеясь, что свет падает ей на лицо подходящим образом, и стала ждать, когда кто-нибудь откроет. Она изящно держала сигарету и пыталась скрыть возбуждение. Уже больше часа после телефонного разговора, и хотя мисс Камилла, моясь в ванне, давала Жоржетте возможность казаться беззаботной и спокойной, всё то время, что прошло после купания Камиллы, Жоржетта была вынуждена сохранять свою позицию в центре внимания и, блистая остроумием, смешить всех девочек небылицами о том, как она вырубала то одного, то другого. Непрерывно тараторя, она надеялась, что звонок прозвенит раньше, чем слишком долгое молчание вынудит ее подбирать слова или позволит остальным вспомнить о времени и спросить, где же Винни (ВИННИ!!! Винни должен был прийти), а то и вновь делает очевидными ее страхи... Но вот звонок прозвенел, она проглотила еще одну таблетку бенни, допила свой бульон и снова поудобней устроилась на троне.

Голди открыла дверь, ребята не спеша вошли, огляделись и остановились на кухне, а Винни первым направился в гостиную. Ну, что скажешь, Жоржи? Как нога? Ах, спасибо, все отлично, – еще чуть больше склонив голову набок и затянувшись сигаретой на манер Бетт Дэвис. Остальные мальчишки разбрелись по комнате и в конце концов расселись там и сям. Гарри вытаращил глаза, увидев Ли. Она была похо-

жа на танцовщицу из журнала (золотистые волосы до плеч, неизменно элегантная в бабском наряде), ну просто куколка. Гарри паялся на нее, не зная, что и подумать. Он еще не бывал у Голди и потому решил, что, может, это уродина Розы, о которой говорили ребята, но, черт возьми, она совсем не походила на уродину. Наоборот, она была похожа на клёвую телку. Голди приготовила напитки, бросила в каждый по таблетке бенни и легкой походкой прошлась по комнате, раздав стаканы – улыбаясь и чувствуя себя на седьмом небе. Ли велела Розы принести ей новую пачку сигарет, а когда Роза глупо улыбнулась и отказалась, Ли устремила на нее указующий верст и сказала, чтобы та немедленно принесла сигареты, а не то мигом окажешься на улице вместе с прочими уродинами, мисс Хуесоска. (Гарри посмотрел на Ли, все еще в замешательстве, но потом сообразил, что это, наверное, один из гомиков. Но телка все же клёвая.) Роза швырнула Ли сигареты, подбежала к ванной и принялась колотить в дверь, пока Камилла не отперла, потом вошла и села на пол между умывальником и унитазом. Ах, право же, Роза! Ну и ну! Камилла хмыкнула, еще раз поправила прическу, выглянула из ванной, вышла на кухню, медленно направилась в гостиную, надеясь, что у нее всё в порядке с гримом (эта лампочка над зеркалом просто ужасна), крадучись вошла, медленно опустилась рядом с Голди и, как и прочие девочки, принялась разглядывать предполагаемых поклонников. От возбуждения перед глазами у нее поплыл туман. У мальчи-

ков такие жесткие взгляды! Да они же видят тебя насквозь – так, точно ты голая! Она смущенно поежилась. Впрочем, все это чудесно! Но что ей надо делать? Разумеется, ни с одной из девочек Камилла и словом не обмолвилась о том, что она еще девственница. У себя в городке она разговаривала с парой-тройкой гомиков, и те рассказывали ей, как всё это делается, всякий раз предупреждая, что нельзя, ни в коем случае нельзя вынимать изо рта, когда мужик кончает, а не то чего доброго обольешься с ног до головы, оно попадет в глаза, а от этого, голубушка, можно и ослепнуть, да к тому же в этот момент все прямо-таки взрывается, и ты сама не захочешь вынимать... Но с чего надо начинать? Что надо говорить? Ах, надеюсь, всё будет хорошо.

Голди спросила, готовы ли они выпить еще по одной, и все сказали, ага, мол, но только без этого содового дерьма. Вам-то это в самый раз, девчонки, но мне нужно что-нибудь позабористей, тогда Голди потупила взор, стараясь не смотреть на Малфи, проворно вышла, шурша шелком платья, на кухню, приготовила всем по новой порции, добавив в каждую лишь капельку содовой и таблетку бенни, раздала стаканы и спросила мальчиков, не хотят ли они по одной бенни. Само собой, почему бы и нет. Тогда она пустила коробочку по кругу, велев им взять по две, и села, то и дело застенчиво поглядывая на Малфи.

Жоржетта больше не пыталась держать в руках нити разговора, а сосредоточилась на Винни, стараясь, разумеется,

казаться безразличной и желая дать подругам понять, что он принадлежит ей. Надеясь вызвать ревность Винни, она пыталась флиртовать с Гарри, но Гарри то и дело хватал ее за уши, почесывал свою промежность и обещал дать ей отсосать чудесный толстый болт, тогда Жоржетта откинулась на спинку трона, резко склонила голову набок, сказала ему, что мальчиками, мол, не интересуется, мисс Лесбиянка, и наклонилась к Винни, заметив, что тот пялится на Ли. Винни видел Ли насквозь, однако она была похожа на хорошенькую куколку, и он считал ее красоткой. Ли с удовольствием соznавала, что на нее глазают, но при этом вертела головой, заговаривая то с Голди, то с Камиллой, то со всеми сразу. В конце концов, она работала в одном из лучших борделей для гомиков, ее фотографии красовались в профессиональных журналах, и было бы, безусловно, ниже ее достоинства открыто вступать в связь с этими садистами – гомиками низкого пошиба (правда, она с удовольствием общалась с ними в этой квартире, в безопасной обстановке). Может, Жоржетте, да и всем остальным, это по нраву, но в ее положении нельзя допускать, чтобы тебя видели со всякой шушерой, а манеры у этих типов просто отвратительные... хотя, возможно, порезвиться с ними было бы приятно... Камилла всё смотрела, терзалась и надеялась.

Голди спросила Малфи, не хочет ли он еще выпить, тот сказал, конечно, дорогуша, плесни еще, и Голди налила в стакан джина и капельку содовой – без бенни (слишком

большая доза могла лишить его мужской силы), и крикнула Рози, чтобы та была паинькой и купила еще джина. Рози улыбнулась: я тебе нравлюсь, Голди? А Голди погладила ее по головке: конечно, Рози. А теперь будь паинькой и сбегай за джином. Протягивая Малфи стакан, Голди легко коснулась его ноги и улыбнулась. Малфи лениво поднял голову, а Голди задрожала и спросила, не хочет ли он пыхнуть. Травы, что ли? Конечно, дорогой. Ага. Она ринулась в спальню (он не убрал ногу!), вышла с маленькой формочкой для печенья и пустила по кругу косяки. Жоржетта курила эффектно, долго не стряхивая пепел, а потом глубоко затягиваясь и вдыхая пепел вместе с дымом. Она громко смеялась, вертась и пытаясь удостовериться, что все понимают, почему она смеется, наблюдала, как Гарри пытается совладать с косяком, и донимала его, когда он закрывал нос и рот рукой, чтобы не закашляться. Надо было попросить нас научить тебя, *Гарольд*. Нет смысла переводить хорошую траву на дилетантов. Жоржетта насладились беззаботным смехом, откинулась на спинку и глубоко затянулась травой, тыча пальцем в Гарри, который продолжал бороться с косяком, и чувствуя, как слегка затуманиваются глаза... Поведя плечами, она посмотрела на своего Винни и снова повернулась к Гарри – тот наконец отдышался и велел ей заткнуть хлебало, ты, хуесоска. Я-то специалист в своей области, голубчик. Лучше меня никто хуй не сосет. А ты кто такой?! Даже воровать как следует не умеешь. Ты просто мелкая шушера, – и она за-

тянулась, оставив от косяка одну восьмую дюйма, потом положила окурок в рот, надменно улыbnулась, наклонилась и отобрала у Гарри недокуренный косяк. Тело у него стало таким же слабым, как воображение, он лишь слегка привстал и снова сел, стараясь не обращать внимания на улыбки ребят и болтовню гомиков и изо всех сил напрягаясь, чтобы подыскать какие-то слова, но сумев промямлить лишь одно: пидор. Потом: заткнись и хавай свои колеса, рожа наркотская. Ли расхохоталась и сказала Жоржетте, что удивлена, какие у той добропорядочные друзья. Не все, голубушка, не все, — она изящно выгнула запястье и похлопала Винни по коленке. Ли продолжала донимать Гарри, но тот делался страшно раздраженным, Ли занервничала и попросила Голди включить приемник и найти какую-нибудь музыку. Голди поймала джазовую программу, и от травы и музыки все постепенно расслабились. Гарри хотел было открыть окно, но ребята промолчали, а гомики нахмурились, поэтому он сидел неподвижно, потягивая джин и глаза на Ли. Голди посмотрела в затуманившиеся глаза Малфи, потом уставилась на его грудь, вздымавшуюся от сердцебиения, сказала ему, что раз уж он расстегнул рубашку, то можно ее и снять, и стала наблюдать, как шевелится и блестит от пота его плоть, стала любовно разглядывать спутанные волосы у него на груди и пот, струящийся сверху в эти волосы. Розы уже почти минуту стучалась в дверь, прежде чем Ли, недовольная тем, какими влюбленными глазами мисс Голди смотрит на Мал-

фи, раздраженно встала и открыла. Она взяла у Розы бутылку джина, поставила ее на стол в гостиной, приняла еще четыре бенни и стакан горячего бульона, села, испытывая отвращение, и попыталась как можно глубже уйти в себя, чтобы не общаться с этой омерзительной компанией. Стоит им проглотить пару бенни и немного пыхнуть, как они попросту чумеют. Смех да и только. Должна сказать, Жоржетта, я не очень-то высокого мнения о твоих друзьях, об этих *мужчинах*. Я-то думала, они с понятием. Голди услышала, но даже не потрудилась на нее взглянуть и продолжала глазеть на Малфи, думая о том, как здорово, что они *не* привыкли к бенни (при этом с удовольствием подсаживая их (его) на колеса) и дожидаясь, когда время начнет стремительно лететь, как всегда бывает, если тащишься под бенни, а для нее и Малфи остановится. Жоржетта сходила на кухню, принесла ведро льда и бутылку содовой и налила себе и Винни. Нет смысла волноваться, мисс Ли. Они не желают иметь ничего общего с такими, как ты. Винни въезжал в разговор, но, растащившись под травой, не потрудился что-либо сказать, а просто взял у Жоржетты стакан, посмотрел поверх него на Ли, медленно выпустив из носа дым, и продолжал буравить ее восторженным взглядом, пока она не отвернулась, потом взглянул, поджав губы, на Камиллу и улыбнулся, с удовольствием увидев страх у нее в глазах. Не бойся, цыпочка, никто тебя не обидит. Разве что немножко выебут... Жоржетта попросила у него сигарету, но он велел ей курить свои, и она

замаялась на минуту, шаря у себя в карманах, пока не убедилась, что он договорил с Камиллой, а потом нашла.

Рози потягивала джин, примостившись у ног Голди, а Жоржетта волновалась, как бы Винни не занялся кем-нибудь из других девочек: что они тогда все скажут?.. Потом перестала волноваться о том, что они скажут, и задумалась, как бы их к нему не подпустить. Ей хотелось, чтобы они считали его ее возлюбленным, но еще больше хотелось, чтобы он стал ее возлюбленным. Хотя бы однажды. Хотя один разок. Она приняла еще одну бенни с джином и стала слушать музыку. Играл «Птенчик» – Чарли Паркер. Повернувшись в сторону приемника, она слушала, как резкие звуки громоздятся друг на друга, при этом не соприкасаясь, слушала, испытывая желание взять Винни за руку, и странные, прекрасные звуки (бенни, трава, да и джин тоже) приводили ее в удивительное романтическое настроение, в котором любовь пробуждается благодаря привязанности, а не сексу; желая разделить с Винни только это, лишь эти три минуты «Птенчика» – эти три минуты вне времени и пространства, лишь постоять вдвоем, быть может, соприкоснувшись руками, ничего не говоря, но все понимая... просто постоять наедине друг с другом и друг друга ради, не как мужчина с женщиной или двое мужчин, не как друзья или любовники, а как двое, которые любят... эти три минуты вдвоем в мире красоты, в мире, где не сохранилось даже памяти о хулиганах и клиентах, о мужеподобных гомиках и Артурах, а существует лишь

прекрасное мгновение любви... а странные ритмы «Птенчика» неслись к ней непрерывно, беспорядочные звуки отчетливо и правильно складывались в мелодию, и не было ничего удивительного в том, что «Птенчик» воспевает своей игрой любовь.

Потом вещица кончилась, зазвучала приглушенная музыка, Жоржетта подняла голову, увидела вождение во взгляде Гарри, смотрящего в промежность Розы, и взор ее прояснился. Розы сидела, уткнувшись головой в колени и уставившись на пятнышко на ковре, сидела, как всегда, готовая вскочить по первому зову Голди. Жоржетта отвернулась, попытавшись вспомнить мелодию «Птенчика», но потом вновь медленно повернула голову, не в силах отделаться от мыслей о Розы. Розы всегда не просто считали чем-то само собой разумеющимся – о ней вообще никогда не думали. Даже как о слабоумном существе – разве что как о сборщице: о той, которая должна собирать пустые бутылки; покупать бенни; встречаться с поставщиками наркоты... Жоржетта посмотрела на пятнышко на ковре, потом опять на Розы. Кто эта Розы? Что собой представляет? Мыслит ли она? Что чувствует? Должна же она что-то чувствовать, иначе зачем ей жить у Голди? Любила ли она когда-нибудь? А ее любили? Умеет ли она любить? Жоржетта заметила плотоядный взгляд Гарри, увидела, как похоть проступает сквозь наркотический фасад. Стоит Розы шевельнуться, и Гарри тут же ею овладеет... схватит ее за руки, нагнется, приблизив к ней свою по-

хотливую физиономию (с сочащейся изо рта слюной), и засадит ей, хоть и придется попотеть... Жоржетта подняла голову, чтобы не видеть его рожи. Получит ли Роза удовольствие, если он и вправду займется с нею сексом? Почувствует ли что-нибудь? Думает ли она когда-нибудь об этом? Жаждет ли когда-нибудь любви??? Постепенно возникала аналогия, и Жоржете пришлось бороться с ней, бороться, пока аналогия не стала явной, пока еще была возможность игнорировать ее и отрицать. Она захавала еще бенни и отхлебнула джина. От джина ее едва не вырвало, она в панике закурила и сидела неподвижно, пока тошнота не прошла (аналогия слабела), потом сделала погромче приемник и сосредоточилась на музыке, щелкая пальцами и поглядывая на Винни в надежде, что бенни скоро перебьет траву и Винни взбодрится.

Камилла спросила у Жоржетты, как называется вещица, которую передают по радио, сказав, что ей очень нравится мелодия, и Жоржетта сообщила ей название и кто играет. Камилла принялась слегка подергиваться в ритме музыки, а Ли посмотрела на нее и велела ей не ёрзать, как сука в период течки. Просто не понимаю, как ты можешь слушать эту дрянную музыку, Жоржетта. Ты же так любишь оперу! Ах, право же, мисс Щель... Камилла отодвинулась и замерла... вынь кубик льда из жопы. Винни рассмеялся, Жоржетта смущенно повернулась к нему, еще немного прибавив громкость назло Ли, и отхлебнула джина, а когда вещица кончилась и началась другая, спросила у Камиллы, нравится ли ей эта ме-

лодия, оценив взгляд, который та бросила на Ли... Не надо на меня смотреть, голубушка. Это у тебя дурной вкус, а не у меня... А Камилла даже и не знала, что сказать, не знала, нравится ей вещица или нет (может, нравится?), она посмотрела на Сала и опять поежилась. По-моему, вещица неплохая (будет ли он таким же грубым, каким кажется?).

Зазвонил телефон, Голди погладила Рози по головке, та вскочила и взяла трубку, потом повернулась к Голди и сказала, что это Шийла. Голди послушала, сказала «да» и повесила трубку. Она едет домой с клиентом на всю ночь, так что нам придется перебираться к мисс Тони. Ой, там так противно! Ну что ж, Ли, ты всегда можешь пойти домой, если у тебя есть дом. Рози, разогрей бульон. Ах, по-моему, ты отвратительна – с женщиной живешь! Да ты просто ревнуешь, Ли. Не лезь не в свое дело, Жоржетта. Нет, правда, Голди, я просто не понимаю, как тебе самой не противно – пусть даже она тебе помогает, пусть приносит бенни. Мне кажется, это тебя не касается, мисс Ли. Эй, в чем дело, что за бред собачий? Мы перебираемся вниз, в другую квартиру. Конечно, если ты не против, Гарольд. Я и правда не понимаю, как ты можешь с ней сексом заниматься, Голди. А может, ты ей только лижешь? О-о-о! Голди опрометью выбежала из комнаты, а Рози плюнула в сторону Ли и бросилась вслед за ней. Ах, ради всего святого, не будь такой обидчивой! Ребята зашевелились и принялись наблюдать за разыгравшейся сценой, но, ничего не понимая, только пожимали плечами.

Жоржетта присматривала за Голди, то и дело спрашивая, как та себя чувствует, а Камилла просто обомлела: в конце концов, дамам не подобает так себя вести. А ведь Ли считают такой утонченной! В родном городке никогда ничего подобного не происходило. Но это возбуждает, а он такой мужественный! А Ли извинилась и сказала, что ей ужасно жаль, я не хотела огорчать тебя, дорогая. Просто дело в том, что у Тони такая мрачная квартира, электричество отключено и все такое прочее, правда, сегодня на мне просто тряпье и хвастаться особенно нечем, тут они поцеловались и помирились, все допили бульон (с парой-тройкой бенни), прихватили джин и бенни, спустились вниз – ребята ковыляли сзади, толком не понимая, что происходит, но прекрасно себя чувствуя и слишком уторчавшись, чтобы о чем-то волноваться, – и вошли в квартиру Тони.

Она спала, поэтому Голди зажгла несколько свечей, сказала ей, что Шийла обслуживает клиента, вот им и пришлось прийти сюда, а я уверена, что ты не против, голубушка, – дав ей немного бенни, – и велела Рози сварить кофе. Рози зажгла на кухне маленькую керосинку и поставила кофейник. Когда кофе был готов, она разлила его в бумажные стаканчики и раздала всем, потом вернулась на кухню, сварила еще один кофейник и продолжала варить кофейник за кофейником, а в промежутках заходила, чтобы посидеть у ног Голди. Ребята постепенно вышли из марихуанного отупения, а бенни вскоре развязал им языки, и все затарато-

рили. Голди сказала, что ей гораздо лучше. Наверное, мне нужно было хорошенько выплакаться, – и она раздала еще бенни, все захавались и стали пить горячий кофе, а Голди села рядом с Малфи и спросила, хорошо ли ему, и он сказал, ага, просто класс; и Голди воспарила и поплыла себе в воздухе на мягком лиловом облаке, наслаждаясь жизнью и довольная собой: рядом такой привлекательный красавчик; чудесные подружки; и отличный поставщик бенни в аптеке на углу, где за полдоллара можно купить дюжину таблеток по десять гран. Ах, это же божественно! Я имею в виду свечи и всё прочее... Это заставляет вспомнить о Жене. О Жене? Не могу понять, почему *это* напоминает тебе о ней. Что еще за жена? Это французский писатель, Винни. Я уверена, что ты ничего не смыслишь в подобных вещах... Я правда не понимаю, почему весь этот мрак напоминает тебе о Жене (Жоржетта посмотрела на говорившую Ли, бросила взгляд на Винни и вздохнула. После таких слов Винни никогда не будет с ней общаться). Я хочу сказать, что она так прекрасна. Ну да, именно это я и имею в виду, дорогуша. Потемки наших истерзанных душ она превращает в нечто несказанно прекрасное... Ну да, конечно. По сути, это так и есть... и я просто прекрасно себя чувствую. Эй! Где тут у вас сральник? Жоржетта вскочила (шокированная Камилла потупила взор) и сказала, что сортир в коридоре. Я провожу тебя. Винни прошел мимо, шлепнув ее по заднице. Не надо, сладкая булочка, я сам найду. Жоржетта, слегка помедлив, села и

улыбнулась, мысленно записав на свой счет еще одну победу. Ах, это будет так чудесно... попозже. Рози разносила еще кофе, Гарри спросил ее, сосет ли она хуй, и она отпрянула, немного расплескав. Голди велела ей быть поосторожней: ты могла кого-нибудь ошпарить, – и Рози разревелась, уткнувшись головой в колени Голди, а Голди сказала ей, что все нормально. Никто не пострадал. Можешь и дальше подавать кофе, – а Рози блаженно улыбнулась и, перешагивая через ноги, стала разносить стаканчики. Жоржетта смотрела на слезы, медленно текущие по щекам у Рози и поблескивающие в полумраке комнаты. А Гарри думал, как клёво было бы, наверное, дать такой придурковатой бабенке в рот. В чем дело, Рози? Испугалась моего болта? Рози пятясь вышла из комнаты, а Гарри рассмеялся и спросил ребят, видели ли они, какое у нее было лицо. Чувак, да она просто чокнутая. Где вы ее подобрали? Голди сказала, что нашла ее в одном месте, а Камилла вышла на кухню посмотреть, как там Рози, думая о том, что Гарри ужасно жесток и Голди не должна позволять им так с ней обращаться. Не сразу увидев Рози, она уставилась на слабое голубое пламя керосинки. Булькающий кофе походил на колдовское варево. Потом она увидела Рози, сидевшую в углу, опустив голову на колени. Камилла нервничала, но чувствовала, что надо попытаться ее успокоить. Она негромко, опасливо окликнула Рози, с минуту постояла молча, слушая, как закипает кофе – на каждую третью или четвертую долю такта четкий ритм

перебивался двойной долей, – потом обернулась, заглянула в комнату, где все болтали, пили (Жоржетта, казалось, все это время наблюдала за ней), а когда перехватила взгляд Сала, то зарделась, снова повернулась к Розе и окликнула ее еще раз. Розе сидела в углу, опустив голову на колени. Осторожно обойдя керосинку, Камилла подошла и спросила, что с ней. Может, вернешься в комнату, Розе? – легко коснувшись ее плеча. Розе резко повернула голову, укусила Камиллу за палец, посмотрела на нее и снова опустила голову на колени. Камилла взвизгнула и бегом вернулась в комнату, вытянув перед собой и стиснув укушенную руку. Эта полоумная укусила меня, укусила! Она принялась вертеться и подпрыгивать с напряженно вытянутыми руками. Что за поебень с тобой творится? Ах, она меня укусила! Да заткнись ты! Гарри толкнул ее, она повалилась на Ли, они завизжали и попытались выпрямиться, но Камилла то и дело падала, потому что, поднимаясь, всякий раз вспоминала про свой палец, пыталась снова его стиснуть, валилась обратно и, отчаянно размахивая руками, скатывалась с Ли, а Ли остервенело боролась с задравшимся подолом и непрерывно кричала Камилле, чтобы та с нее слезла, и Камилла наконец встала на колени, схватила неуловимую руку и принялась искать следы зубов. Не бойся, малышка, бешенством не заболеешь. Ли села прямо, одернула подол, злобно взглянула на Камиллу: ах, право же, мисс Щель, – достала из сумочки зеркальце, внимательно изучила свое лицо, потом порылась в сумочке,

вытащила гребенку, косметику и наскоро подкрасилась. Камилла, наконец-то сев, продолжала разглядывать свой палец, не обращая ни малейшего внимания на смех. Ах, это было ужасно! Я только хотела с ней поговорить, а она меня укусила. Укусила, словно... словно какое-то животное. Ах, это было ужасно! Надо было за это ее тоже укусить. Уж она-то заразилась бы. На, опусти пальчик в горячий кофе. Голди покатывалась со смеху вместе со всеми, но при этом ухитрилась наклониться, попытаться утешить ее и предложить ей бенни. Ах, дай, пожалуйста. Она меня очень сильно поранила. Ох... она сгребла таблетки, сунула их в рот (здоровой рукой), потом взяла свой стаканчик (здоровой рукой) и стала крошечными глоточками пить кофе, пока не проглотила бенни. Эй, когда начинается следующий концерт? Все, кроме Камиллы, рассмеялись, а Ли сперва только ухмыльнулась, но потом, покончив с макияжем, тоже успокоилась и присоединилась ко всей честной компании. Каждая новая реплика вызывала громкий гогот и кокетливый смех. Камилла сидела с кислой миной, а ребята веселились вовсю, не понимая толком, над чем они смеются, но полностью врубаясь в действие бенни, наслаждаясь легким ознобом и странным ощущением, возникающим, когда стискиваешь челюсти и начинаешь скрежетать зубами (Гарри раздумывал, стоит ли пойти на кухню и образумить Розу). Жоржетта с удовольствием расслаблялась и смеялась (на ее счету было уже три победы над Ли), но в то же время выжидала удобного случая, чтобы

вновь оказаться в центре внимания. А Голди парила в небесах... все складывалось как нельзя лучше, и она вся трепетала от нетерпения и возбуждения. А вот бедняжка Камилла стгорала от стыда и пыталась успокоиться и отшутиться, но — ах, как неловко получилось! Она вела себя так несдержанно! Ли была полна решимости оставаться в стороне (хотя портить отношения с Голди ей вовсе не хотелось) и держаться равнодушно, как того требовали ее красота и положение в обществе. Смех не умолкал даже тогда, когда все слишком запыхались, чтобы продолжать отпускать шуточки. А Голди потребовала еще кофе, Роза совершила очередной обход, удалилась на кухню, поставила кофейник и села в углу, уронив голову на колени. Голди сосчитала бенни, решила, что на несколько заглотов еще хватит (а к тому времени как раз откроется аптека) и раздала еще. Винни попросил джина (приступы смеха все не прекращались), и Жоржетта предложила свой стакан, но Винни отказался (по всем понятиям нельзя пить с гомиком из одного стакана), тогда она налила ему в бумажный стаканчик, надеясь, что это не изменит счет побед, и мельком взглянула на Ли, но та, казалось, ничего не замечала. А Тони приняла бенни, поблагодарила и задалась вопросом, достанется ли ей мужик, отчаянно пытаясь придумать, как бы привлечь к себе всеобщее внимание и заставить всех осознать ее присутствие; возможно, Голди будет ей признательна, а кто-нибудь из мужчин сочтет ее привлекательной. Она оглядела комнату, улыбаясь и часто моргая...

потом вскочила, резко выдвинула ящик и достала новую свечу. С шумом задвинув ящик, она легко и быстро подошла к свече, догоревшей до конца, зажгла новую и осторожно поставила ее на старую. Ну вот, так гораздо лучше, – потом села и ласково улыбнулась Голди, довольная и уверенная в том, что она оценит сей поступок.

Все усталились на новую свечу и на тени, отбрасываемые неровным пламенем, все по-прежнему негромко переговаривались, по-прежнему потягивали джин и попивали кофе, наблюдая, как оплывает верхушка, как первая капелька воска скатывается к краю и медленно ползет вниз по свече, как разгорается фитиль и как краснеет в середине пламя... Потом вторая капля скатилась вслед за первой, третья проложила новую дорожку, а пламя изогнулось, край скопился, и вскоре уже множество капелек скатывалось вниз, образуя ручеек, стекавший сбоку по свече, и все еще больше расслабились, умиротворенные новым пламенем и почти лишившись сил от смеха, все сели поудобнее, ребята еще дальше вытянули ноги, а девочки сделались нежнее и застенчивей. В конце концов они перестали глазеть на пламя, вокруг, казалось, воцарилась безмятежность, даже Ли почувствовала свое единение со всеми, повернулась лицом к остальным и принялась рассказывать пикантные истории из жизни за кулисами, и вскоре все стали поддерживать разговор, а те, кто умолкал, слушали сразу два или три рассказа. Ли поведала о том, что почти все актеры – голубые (и даже большин-

ство духовных лиц — сама знаешь, кто именно, голубушка), и о том, как клиенты сняли актеров одного ревю, в котором она выступала в главной роли, и клуб закрыли, потому что все обкурились за кулисами... а у слушателей дрожали руки, и ребята роняли пепел с сигарет... вот это, скажу я вам, была умора! Кальдония так уторчалась... то есть пила как сумасшедшая целыми часами, а потом давай ходить с важным видом в районе Бродвея и Сорок пятой и кукарекать петухом: кукареХУЙ, кукареХУЙ!.. Нет, без булды, его поймали, когда он жмурика ебал. Мы вместе парились на нарах. Он ведь в больнице работал, в морге, а одна смазливая бабенка кони бросила, вот он ей и впендюрил... Роза наполнила все стаканчики, а когда Гарри устремился к ее промежности, опять убежала на кухню и села в углу, уронив голову на колени... Значит, по-твоему, у тебя есть чокнутые клиенты... ну да, есть один, так он заставляет меня хлестать его ремнем... Ах, это просто мазохизм, голубушка... Ох, знаю, знаю, но мне приходится надевать бюстгальтер... голубенький с кружавчиками, трусики в тон, чулки и пояс с резинками, а он гладит меня по ногам и щелкает резинками так, что синяки остаются, и когда он кончает, я уже рукой не могу пошевелить... У нас по соседству живет один такой же псих. У него косметический салон в районе Восьмидесятых, на Третьей авеню, он там появляется пару раз в неделю, вечерами... А-а, знаю я этого парня. У него новый «Додж». Зеленый. Ага. Он еще снимает всякую малышню, возит их кататься и платит им

по четвертаку за пердёж... Тони всё наклонялась и наклонялась вперед, слушая, смеясь, проверяя, все ли замечают, что она слушает их рассказы, причем с удовольствием; пытаюсь вспомнить какую-нибудь короткую историю, которую можно рассказать, какой-нибудь забавный эпизод из жизни... а может, даже из какого-нибудь фильма... Улыбнувшись Голди, она налила себе еще джина, кивнула, улыбнулась, рассмеялась, по-прежнему пытаюсь вспомнить что-нибудь смешное, хотя бы веселенькое, перебирая воспоминания, накопившиеся за много лет, и ничего не находя... А Лесли?.. О!!! эта мерзкая особа... шляется часов в пять утра по Центральному парку в поисках использованных презервативов и сосет их. Боже правый! А у меня есть клиент, который заставляет меня бросаться мячами для гольфа... У нас в тюрьме один малыш засунул себе в жопу журнал «Лайф», а вытащить не смог. Этот... Ах, обожаю тех, которые чуть не плачут, когда кончают, и принимаются рассказывать, как они любят жену и детишек. А когда они достают фото... А я таких уродов ненавижу... Эй, а помните, Шпик повстречал как-то вечером одного малого, и тот дал ему десятку за левый башмак? А Шпик и говорит, мол, за десятку можешь оба взять и носки в придачу... Голди всё смотрела на Малфи и на его длинные выющиеся волосы, уложенные на затылке в густой «утиный хвост». А Жоржетта наклонилась поближе к Винни, да и все стали казаться такими близкими, словно составляли одно целое, идеально подходя друг другу, и все было чудес-

но... А Франсин рассказывала тебе про араба, с которым она однажды познакомилась? Так вот, голубушка, он выебал ее так, что она думала, все тело наизнанку вывернется. Ах, это наверняка было божественно... Камилла робко взглянула на Сала... Как здорово повстречать мужчину, который тебя хорошенько проебет! Да, голубушка, но ей чуть не пришлось матку удалять. Ах, так она, выходит... А у нас был один малый...

Дверь с шумом распахнулась, в квартиру, спотыкаясь, вошла молодая женщина с синяками и ссадинами на лице, с огромным пузом, и окликнула Тони. Тони, как бы извиняясь, посмотрела на гостей, потом подошла к сестре, отвела ее на кухню, уложила отдохнуть, сняла с керосинки кофейник и сделала посильнее пламя. Рози посмотрела на них, на кофейник, но, не услышав ни слова от Голди, опустила голову на колени. Тони встала на колени подле сестры, чувствуя себя неловко – она знала, что Голди и все остальные недолюбливают Мэри, – и спросила ее, что случилось. Та слегка приподняла голову и снова уронила ее так, что показалось, будто голова подпрыгнула на полу (Голди и Ли с отвращением отвернулись. Камилла смотрела в изумлении, дрожа), потом помотала головой, застонала, с воплем резко приподнялась, стиснула руками свой выпирающий горой живот, сильно стукнулась затылком и локтями об пол, задрала ноги, затем вытянула их и раздвинула, схватив Тони за плечи, когда ее вновь пронзила боль, а Тони впилась ногтями

ей в руки. Отпусти! Отпусти! Ой, мне больно, — руки наконец опустились, и она перестала шевелиться, а Тони заглянула в комнату, надеясь, что гости не станут винить во всем ее. Гомики отвернулись, а ребята тупо смотрели, делая очередную затяжку или очередной глоток, смотрели почти без любопытства, и Тони спросила, стоит ли вызвать полицию, чтобы сестру увезли в больницу. Не вздумай вызвать копов! Только не при нас... Что же мне делать? Да гони ты отсюда эту грязную потаскуху! Она ждет ребенка... Что ты говоришь! А я-то думала, это газы. Они захохотали во все горло (Рози открыла глаза, не поднимая головы с колен, потом опять закрыла), а Тони едва не расплакалась. (Эх, надо же было ей вломиться именно сейчас! Вот позвали бы они меня наверх, мы бы подружились.) Тогда разыщи того недо-тепу, с которым она живет. В конце концов, отец он, а не мы. Это точно! Все опять расхохотались... Откуда ты знаешь, что это он? Отцом может быть почти любой. (Камиллу еще слегка подташнивало, но она твердо решила не обращать на это внимания и быть заодно со всеми девочками.) Эй, она что, арбузное семечко проглотила? Даже отрывка Гарри вызвала смех, но все уже начинали держаться напряженно, особенно гомики. Это могло испортить такой восхитительный вечер. Еще немного, и это наверняка расстроит всех, да и все планы... Мэри вдруг приподнялась! С криком! Не просто вскрикнув, а непрерывно испуская оглушительные вопли. Лицо ее потемнело и распухло — казалось,

оно вот-вот лопнет. Из рубцов на лице что-то сочилось, и она сидела так, точно ее поддерживали сзади, сидела и вопила, визжала, выла, орала... Тони отшатнулась и ударилась о стену (Рози по-прежнему сидела, опустив голову на колени), а Камилла закрыла лицо руками. Крики резали им слух, а Мэри, вытаращив глаза, все тянула руки к Тони, все больше темнея лицом... потом она вдруг замерла и упала навзничь, треснувшись затылком об пол, а вся комната огласилась криками и звуком удара головой об пол, да так, что у всех надолго заложило уши, и шум в ушах был подобен шуму моря в раковине... Ох... Ох... О-О-ОХ!!! Воды отошли! У нее воды отошли! Гомики вскочили, а Гарри в изумлении уставился на растекающуюся лужицу. Убери ее отсюда. Убери ее. Убери! Давай, разьебейка, гони ее вшаей, пока левые не заявили! Ах, она мне все настроение испортила. Грязная потаскуха. Мерзкая шлюха! Розы, РОЗИ! Убери ее. Убери! Розы схватила Мэри за руку, но удержать не смогла – рука была мокрая и скользкая от пота. Тогда она задрала Мэри юбку, вытерла свои ладони и руки Мэри, потом обратила внимание на ее лицо, вытерла его и велела Тони взяться за другую руку. Она тащила изо всех сил, а Тони то и дело падала от тяжести и умоляюще смотрела на Голди. Розы кричала Тони, чтобы та тащила, тащила, а сама волокла рывками, и тело Мэри подергивалось от каждого рывка и содрогалось от каждого приступа боли, пот жег и слепил ей глаза, и она только и могла, что стонать да охать, а Гарри встал, по-

дошел к ним и сказал, что сейчас поможет. Зайдя сзади, он взялся за сиськи Мэри и, улыбнувшись ребятам, приподнял ее, а Роза снова дернула, едва не повалив всех на пол, и, медленно поднимая огромную Мэри, они дотащили ее до двери. Гарри велел Тони поймать такси, а они с Розой, мол, доволокут Мэри до выхода. Тони ушла, Роза, крепко ухватившись за руку, посмотрела на Гарри, и они потащили ее по коридору к выходу, а по ногам у нее стекали воды с кровью. Потом Гарри спросил Розу, не устала ли она, а та не шевельнулась. Стояла себе молча, крепко ухватившись за руку, и пялилась на Гарри. Он рассмеялся, бросил Мэри на пол и стал ждать такси.

Когда Гарри с Розой вернулись, все молчали, а на стенах плясали тени, и Гарри спросил, в чем дело, морг у вас тут, что ли, сел и закурил. Чуваки, в этой бабенке не меньше тонны. Хотя буфера хорошие. Такие большие, что не обхватишь... Все по-прежнему молчали, никто даже не курил, а Роза опять поставила кофейник на керосинку и стала ждать. Ли сочла всю эту сцену просто отвратительной... Вообще-то все это тоска зеленая, чувак. Чего, чего, Сал? Сам посуди, баба вот-вот родит, а парню на нее наплевать. Камилла до сих пор страшно расстроена... Все согласились с Салом, что рожать, когда парню на тебя наплевать – просто тоска зеленая. Такого парня шлепнуть мало, сукина сына, даже если баба – грязная толстая шлюха... А Голди с Жоржеттой встревожились. Они весь вечер строили планы, пред-

вкушая удовольствие, и все шло так хорошо, что их надежды никак не должны были рухнуть... тем более тогда, когда уже близился решающий момент... и Жоржетта отчаянно пыталась что-нибудь придумать... что-нибудь такое, что не только спасло бы положение и вечер, но и сделало бы хозяйкой положения и вечера ее... нечто такое, что снова превратило бы ее в героиню ночи. Она оглядела комнату... задумалась... потом вспомнила об одной книжке, и та нашлась на прежнем месте. Она взяла книжку, раскрыла, заглянула в нее и решила сразу, ничего не объясняя, начать читать:

Как-то в полночь, в час унылый, я вникал, устав, без силы...

Первые слова прозвучали тихо, неуверенно, но, услышав свой голос, раздающийся в комнате на фоне дыхания всех остальных, она ощутила радостный трепет и стала читать громче, отчетливо и правильно произнося каждое слово:

Вдруг у двери словно стуки – стук у входа моего.

«Это – гость, – пробормотал я, – там, у входа моего, Гость, – и больше ничего!»... и все уgomонились, а Винни повернулся к ней лицом...

Ах! мне помнится так ясно: был декабрь и день ненастный. Был как призрак – отсвет красный от камина моего. Ждал зари я в нетерпенье, в книгах тщетно утешенье Я искал ... Все уже смотрели на нее (может, Розы тоже смотрит?). На нее были обращены все взоры. На НЕЕ!

И, смотря во мрак глубокий, долго ждал я, одинокий, Пол-

ный грез, что ведать смертным не давалось до того! Все безмолвно было снова, тьма вокруг была сурова... Драматизм поэмы переполнил ее душу, она стала читать красиво, с чувством, и от волнения, зазвучавшего в ее голосе, задрожало пламя свечей, и она поняла, что в колеблющихся тенях все узрели Ворона...

Но сказал я: «Это ставней ветер зыблет своенравный, Он и вызвал страх недавний, ветер, только и всего, Будь спокойно, сердце! Это – ветер, только и всего. Она уже не просто читала, а полностью сливалась с поэмой, исторгая каждое слово из глубины души, и все дивные тени кружились вокруг нее...

Я с улыбкой мог дивиться, как эбеновая птица, В строгой важности – сурова и горда была тогда. «Ты, – сказал я, – лыс и черен, но не робок и упорен, Древний, мрачный Ворон, странник с берегов, где ночь всегда!»

Ребята глазели в изумлении, а Винни казался таким близким, что она ощущала пот у него на лице, и даже Ли слушала и смотрела, как она читает, и все сознавали ее присутствие. Все знали, что она – КОРОЛЕВА.

Лишь два слова, словно душу вылил в них он навсегда. Их твердя, он словно стынул, ни одним пером не двинул. Наконец я птице кинул: «Раньше скрылись без следа Все друзья; ты завтра сгинеешь безнадежно!..» Он тогда Каркнул: «Больше никогда!»

Винни смотрел на Жоржетту и на тени, подчеркивавшие

красоту ее глаз, любуясь щеками ее и глазами... думая о том, как жаль, что она голубой. Он же красивый малый, да и вообще классный, особенно для гомика... Искренне растроганный чтением Жоржетты, и все же, хоть бенни и распалял его воображение, мысли его могли вертеться лишь вокруг извращений да удовольствий...

Это думал я с тревогой, но не смел шепнуть ни слова Птице, чьи глаза палили сердце мне огнем тогда.

Это думал и иное, прислонясь челом в покое К бархату; мы, прежде, двое так сидели иногда...

Ах! при лампе не склоняться ей на бархат иногда Большие, большие никогда! а «Птенчик» играл (слышишь его, Винни? Слушай, слушай, это «Птенчик». Слышишь? Он играет мелодию любви. Мелодию любви для нас), и звучали, кружась, словно в вихре, его несочетаемые ритмы... потом они совместились, и – О боже, как это прекрасно...

Пей! о, пей тот сладкий отдых! забудь Линор, – о, да?» Ворон: «Большие никогда!»

«Вещий, – я вскричал, – зачем он прибыл, птица или демон Искусителем ли послан, бурей пригнан ли сюда? Я не пал, хоть полн уныний! В этой заклятой пустыне. Здесь, где правит ужас ныне.

И сквозь прореху в черной шторе она увидела пляшущие серые пятнышки: скоро солнечные лучи прочертят небо, побледнеют, закружившись, тени, мягкий утренний свет проникнет в комнату и изгонит тени из темных до поры до вре-

мени углов, да и свечи скоро догорят...

И, как будто с бюстом слит он, все сидит он, все сидит он, Там, над входом, Ворон черный с белым бюстом слит всегда. Светом лампы озаренный, смотрит, словно демон сонный. Тень ложится удлинено, на полу лежит года, – И душе не встать из тени, пусть идут, идут года, – Знаю, – большие никогда!

– а «Птенчик» играл заключительный рефрен, играл пронзительно и высоко, музыка не прерывалась, но саксофон постепенно затихал, и невозможно было догадаться, когда «Птенчик» наконец умолкнет, а раскатистое эхо звуков прогремит в ушах, и все обернется любовью... Молвил «Птенчик»: «Навсегда!»... а язычки пламени изгибались и лизали края свечей, и даже Гарри не боролся со своим оцепенением, не пытался рассеять чары, и Жоржетта с видом истинной актрисы опустила книжку на колени, а последние слова все кружились в вихре света, все шумели в ушах, как море в раковине, и Жоржетта восседала на дивном троне, в дивной стране, где люди влюблялись, целовались и молча сидели рядышком, взявшись за руки, вместе коротая волшебные ночи, а Голди встала, поцеловала королеву и сказала ей, что это было прекрасно, просто прекрасно, и ребята пробормотали что-то, улыбаясь, а Винни боролся с охватившим его нежным чувством и искренне пытался понять, от-

куда оно взялось, но через минуту оставил эти попытки, легко, как друга, похлопал Жоржетту по бедру и улыбнулся – ей... Жоржетта едва не расплакалась, увидев в его взгляде проблеск нежности... Он улыбнулся и, пытаясь преодолеть свою ограниченность, стал подыскивать слова, сказав наконец: Эй, это было классно, Джорджи, классно, приятель, – потом сквозь действие бенни, сквозь это душевное состояние, пришло осознание присутствия друзей, в особенности Гарри, он поспешно откинулся назад, отхлебнул джина и стрельнул у Гарри сигарету.

Сквозь многочисленные дырки в шторах начал пробиваться свет... Свечи постепенно стали неприметными. Голди медленно открыла коробочку с бенни и протянула ее Жоржетте. Та взяла две таблетки, только две, спасибо, улыбнулась, положила их на язык и отпила глоточек джина. Умиротворенные, все вполголоса заговорили, улыбаясь, потягивая джин, а Жоржетта откинулась на спинку стула, негромко заговорив с Винни, заговаривая и с остальными, если к ней обращались, и все ее жесты – когда она курила, пила, кивала – были легкими и царственными. Глубоко чувствуя свою человеческую природу, она благожелательно и нежно взирала на свой мир (на свое царство), с волнением, но без робости выжидая удобного случая, чтобы с готовностью кивнуть своему возлюбленному... но солнце поднималось все выше, в комнате делалось светлее, и девочки чувствовали, как пот струится по их лицам, оставляя полосы на гриме – они наде-

ялись успеть подняться наверх и подкраситься, прежде чем ребята это заметят. Голди то и дело смотрела на часы, стараясь расслышать, не уходят ли Шийла и ее клиент; ей хотелось поскорее выбраться из этой мерзкой комнаты и подняться с ребятами наверх, пока солнечный свет не привел их в уныние и они не растеряли того настроения, который придала им Жоржетта; она боялась, как бы депрессия на выходняке после бенни не превратила ребят из потенциальных любовников в обыкновенных грубиянов. Наблюдая, как в комнате становится светлее, чересчур светло, она все слушала и слушала... потом услышала, как кто-то (один) несется по коридору, и на пороге, открыв дверь, возникла Тони – сердце у Голди бешено колотилось, она старалась не обращать внимания на Тони и расслышать шаги (четыре ног) на лестнице, – и принялась извиняться, с надеждой глядя на Голди, пока дверь не закрылась, а Голди наконец не повернулась к ней и не велела ей заткнуться. Тони тотчас же повиновалась (не вылезая из такси, она высадила сестру у больницы и сразу вернулась обратно, стремясь успеть до ухода Голди; надеясь, что они позовут ее с собой; ей не хотелось сидеть одной в этой гнусной квартире, зато очень хотелось подружиться с Голди, покайфовать вместе со всеми и иметь возможность поболтать с другими девочками), тотчас же повиновалась, осеклась на полуслове и оглядела комнату, но никто не обратил на нее внимания – Голди вскочила, подошла к двери, прислушалась и приоткрыла дверь, – тогда Тони прошла че-

рез всю комнату (между ними... между ними. Они смотрят на меня. Я это знаю. Но я не виновата) и села... Голди обернулась и сказала, что они ушли. Рози, собери наши вещи. Они ушли. Тони посидела, потом встала и принялась расхаживать по комнате (даже бенни не оставили... ни таблеточки); пошла на кухню, налила себе кофе (наверное, надо было остаться с ней. Вполне могла бы – с таким же успехом) и вернулась к своему стулу.

Голди бросилась в ванную подкрашиваться. Жоржетта взяла ополовиненную бутылку скотча, которую оставил клиент, налила Винни стакан – со льдом – и включила приемник. Она понимала, что Винни и ребят растаскивает все сильнее и к тому времени, когда скотч будет допит (а ведь оставался еще джин, да и запасы бенни должны были пополниться), пол при ходьбе начнет уходить у них из-под ног. Ах, какой чудесный день! (Подойдя к окнам, она хорошенько задернула шторы, чтобы не было чересчур светло.) А то просто чересчур. Она сновала по комнате, болтая, улыбаясь, приготавливая напитки, напевая (Винни, Винни), пританцовывая; даже посмеявшись вместе с Ли. Когда Голди вышла, Камилла бросилась в ванную, прихватив щетку для волос, щеточки для ногтей, пальцев и рук. Голди дала Рози денег на бенни, потом подозвала к себе Жоржетту и попросила ее стать посредницей между ней и Малфи, а та сказала: ну конечно; тогда Голди сказала ей, что у нее есть коробочка шприц-тюбиков, и через несколько минут, когда этот вопрос уладится,

мы пойдем и вмажемся. Жоржетта поцеловала ее и возликовала по-настоящему. Как раз сейчас немного морфия – это просто превосходно. Да-да, просто превосходно. Боже правый... морфий и Винни!!! Она налила полный стакан джина и села рядом с Винни (может, и ему дозу предложить?), заговорив с ним и с ребятами (Нет. Он может не выдержать), и даже Гарри с его нелепыми замечаниями стал вызывать симпатию (О боже! Надеюсь, бенни не лишил его мужской силы), но, само собой, при *нем* она всячески старалась не пускаться в рассуждения (Если бы только все ушли, мы посидели бы вдвоем, он бы меня поцеловал, а я бы поласкала его шею и поцеловала в мочку уха, мы раздели бы друг дружку, легли бы на кровать и обнялись, я провела бы кончиками пальцев по его бедрам, мускулы у него напряглись бы, мы оба стали бы слегка извиваться, я бы целовала его грудь, ощупывала спину, вдыхала запах пота и обхватывала ногами его бедра... Чего, чего, сладкая булочка? Жоржетта повернулась и начала раскрывать объятия, а Винни потрепал ее по щеке: как насчет того, чтоб взять в рот и отсосать? – медленно встав и стиснув рукой свою промежность. Жоржетта опустила одну руку (не сейчас... попозже), а другой незаметно погладила его по ноге. Хочешь помочь мне отлить? – слегка поколебавшись, он расставил ноги пошире и, смеясь, похлопал себя по яйцам. Она подалась немного вперед (Нет, нет, нет!!! Ты всё испортишь!), а он повернулся и, все еще смеясь, направился в ванную (у него уже глаза лезут из орбит. О

господи, он тащится! Это будет прекрасно!!!), оглушительно расхохотавшись, когда Камилла, которой он попытался сунуть в задницу палец, выскочила из ванной, роняя свои щетки, – потом осторожно наклонилась, опасливо взглянула на дверь ванной, подобрала их и ринулась в гостиную.

Жоржетта откинулась на спинку стула и стала потягивать джин, отсчитывая долгие секунды. Гарри, вконец одуревший, встал, что-то пропищал Жоржетте и плюхнулся рядом с Ли. Жоржетта следила за ним взглядом, по-прежнему потягивая джин и по-прежнему отчаянно пытаясь держать себя в руках. Сейчас нельзя все испоганить. Уже скоро. Скоро. Винни и морфий. Да. Она взяла бутылку джина, снова наполнила стакан Малфи и спросила его, не займется ли он Голди. Малфи полуприкрыл глаза, улыбнулся и взял у нее стакан. А бенни еще есть? Она потрепала его по щеке, достала еще две таблетки для него и пошла сообщить Голди, что все улажено. Ах, все просто чудесно! Винни и его мальчики вконец одурели, и скоро она поимеет Винни. Голди увела ее в спальню и дала ей шприц-тюбик. А ты что, не будешь? Не сейчас, голубушка. Сначала надо поебаться с этим сексапильным итальяшкой. Тогда Жоржетта вмазалась, переждала первую волну прихода и вернулась на свой трон, поближе к Винни. Он трепался с Малфи и Гарри – Ли с Камиллой тоже вступали в разговор. Голди просто глазела на Малфи и изредка смеялась, – а когда Жоржетта садилась, дернул ее за ухо. Она улыбнулась и, садясь, повихляла задницей,

скромно поклонившись под аплодисменты. Жоржетта принялась вертеться, наблюдая за происходящим, а в комнате дело шло к настоящей групповухе. Даже Гарри с Ли занялись делом, звучал приемник, Камилла щелкала пальцами (чересчур экспансивно, по-моему, но ничего страшного, ведь мы (Винни и морфий... ВИННИ) ласкаем друг дружку), и все стало на свои места, сделались уместными все слова; а Голди подсела к Малфи, и он ухмыльнулся: аспет... уна момент; Камилла, почувствовав себя классной телкой, расхрабрилась и подмигнула Салу, а тот попытался заговорить, но никак не мог перестать скрежетать зубами, голова у него болталась, как на шарнирах, по подбородку стекали капельки скотча, но он был такой сильный и красивый... Ах, какой изумительный подбородок!.. И Камилла захихикала, подумав о том, какое письмо напишет домой, подружкам-лесбиянкам: Ах, голубушка, тебе такого познать не дано. Какой великолепный способ лишиться девственности! Сал рассмеялся и выпалил: у меня стоит, красотка, ХА-ХА-ХА! Малфи осушил свой стакан, снова наполнил и направился вслед за Голди в спальню, а Жоржетта смотрела, летая у них над головами, и грызла соленые орешки, соленые орешки... каркнула дурочка: все вернуть!.. Винни и морфий... ВИННИ и морфий... Ли отодвинулась на пару дюймов, а Гарри схватил ее за руку и рывком снова притянул к себе: Куда это ты, голубенький? – силой сунув ее руку себе между ног. У меня есть для тебя классная сосиска, – а Винни заорал: она что, пристаёт к тебе,

что ли?! – и оба расхохотались, а Ли запаниковала и попыталась высвободиться, но Гарри еще крепче сжал ей руку и вывернул так, что она визгливо закричала: Перестань! Перестань! Мне больно, пидор гнусный! (Чудненько, чудненько. Это послужит тебе хорошим уроком, мерзкий гомик. Этот тип тебе достался по заслугам. ВИННИ и морфий... ВИННИ и морфий... у нас ведь вечеринка, – и гости все такие славные, такие славные...) – а Гарри еще больше вытаращил глаза, встал и стащил Ли с кушетки: пошли, разьебай! Хочешь на телку походить, так и ебись, как телка (Камилла сунула пальцы в рот, приподнялась, снова плюхнулась на кушетку и медленно отодвинулась на другой край (но он же не голубой (?))) ... Эй, Винни, пошли. Давай ей впендюрим! Черт подери, чувак, у меня нет сил. Идем! Винни схватил ее за другую руку, и они поволокли ее в спальню – она кричала, визжала, плакала, молила, а они хохотали и выворачивали ей руки, потом Гарри схватил ее за волосы, за ее драгоценные золотистые волосы длиной до плеч, и отвесил ей оплеуху. Пошли, хуесоска! Хорошо выпендриваться. Эй, Малфи, открой-ка дверь! Малфи открыл и ухмыльнулся, когда они втащили Ли в спальню, а Голди завопила и выбежала оттуда, с шумом захлопнув за собой дверь. Она слушала, как кричит Ли и как ребята лупцуют ее и чертыхаются, срывая с нее платье... Потом Голди проглотила полдюжины бенни. Камилла посмотрела на Жоржетту, а та не шевелилась (Нет, нет! Нет, сука ебучая! ВИННИ, ВИННИ... ВИННИ!!! Толь-

ко не с Ли! Я люблю тебя, Винни. Я люблю тебя. Он увидит мои красные трусики с блестками. Ну пожалуйста, Винни! Винни...), Камилла посмотрела на Жоржетту, потом на Сала, который приближался к ней, шатаясь. В штанах-то уже тесновато. Он расстегнул ширинку и вытащил хуй. (Какой большой! И красный. Береги глаза. Обними его за задницу.) Ой!!! Ой... Сал! Не надо, Сал. Сал! Ну пожалуйста! Пожа... У меня есть для тебя большая вкусная елда. Са... он засунул ей в рот и схватил ее за длинные, блестящие, волнистые золотисто-каштановые волосы... Ли перестала извиваться – Винни с Малфи держали ее, а Гарри на нее влез. Вазелин. Вазелин! Прошу вас, не надо без вазелина! Винни протянул ей баночку, потом Ли сказала, что уже можно, закрыла глаза и съежилась, когда Гарри безжалостно ей засадил, потом обняла его и обхватила ногами за талию. Винни с Малфи прислонились к стене, а пот капал с Гарри Ли на лицо, она улыбалась, взасос целовала его в шею и стонала, надеясь, что он никогда не кончит, что будет продолжать долбить, долбить, долбить... Вот так, хорошо, Камилла. Молодчина. Ха-ха! О-о-о-о-о! Эй, не спеши работать язычком, – а Камилла пыталась ухватиться за его ремень, надеясь, что она все делает правильно; а Голди, немного успокоившись, когда прекратились крики, достала из кармана шприц-тюбик – хоть и не одобряя того, что Камилла занимается сексом на виду у всех, она все же вынуждена была признать, что в данной ситуации у той не было особого выбора, к тому же они, казалось,

весьма успешно друг дружку ублажали (надеюсь, Малфи после всего этого еще будет на что-то способен) – и вмазалась. Похоже, все идет прекрасно... Он должен был помочь друзьям. Само собой. С какой это стати он стал бы отказываться помочь Гарри ее выебать? У нас ведь вечеринка, и гости все такие славные, такие славные... Гарри взял из ящика комода комбинацию и вытер хуй. Спорим, ты в курсе, что тебя выебали! Гарри с Малфи рассмеялись, а Ли посмотрела, как на нее влезает Винни, потом закрыла глаза и обхватила ногами его бедра... Голди вернулась в гостиную, села на кушетку и, не обращая внимания на Камиллу с Салом, принялась следить за тем, как изо рта у нее выплывает дым, а из приемника – звуковые волны; и Сал согнул в коленях задрожавшие ноги, а Камилла с хрюканьем и бульканьем совершала изумительные движения головой, впившись ногтями в его задницу и пытаясь уместить во рту весь хуй... Уже скоро. Скоро... (Пей, о, пей бальзам забвенья!); и мы услышим резкие гудки буксира... Сал повесил свои брюки на спинку стула и, закулив и наполнив свой стакан, растянулся на полу; Камилла удалилась в ванную, прихватив с собой щеточки для ногтей, для пальцев, для рук, щетку для волос и зубную щетку... Ребята вышли из спальни – по лицам их струился пот – и налили себе джина со льдом. Ли позвала мисс Голди и спросила, нельзя ли взять поносить какое-нибудь платье, а та ответила: конечно, можно. Если хочешь, возьми в шкафу то блестящее, голубое, в котором я в прошлом году хо-

дила на БАЛ ГОМОСЕКСУАЛИСТОВ. Спасибо, но, по-моему, лучше надеть что-нибудь попроще – сойдет, к примеру, и домашнее платье. Такое, которое легко сбросить. Ага, именно! Ха-ха-ха-ха! Ребята приняли еще понемногу бенни и не спеша вернулись в гостиную. Эй, Сал, ты чего делаешь-то? Для рождественских открыток, что ли, позируешь? Все расхохотались, а Голди надменно взглянула на Малфи. Винни сел рядом с Жоржеттой и сунул ей в ухо мокрый палец. Как делишки, Жоржи? Ах, Винсент (Конечно, он ничего такого не сделал), не надо, – смущенно заерзала и попыталась захихикать, но не сумела совладать с центробежной силой центрифуги и только скривила лицо. Что за дела? Бобо, что ли? Тебе «Птенчик» нравится? Птенчик? Эй, что с тобой, сладкая булочка? – ущипнув ее за щеку и повернувшись к остальным, – птичьего корма, что ли, наелась? – рассмеявшись и оглядев всю компанию. А-а, – щелкнув пальцами, – ты насчет этой истории про ворона. Ага. Ага, само собой. Отведи меня в спальню, Винни (?) – положив руку ему на колено. Что за дела? изголодалась, что ли? – потирая ее рукой свою промежность. – Мои услуги стоят бабок, сладкая булочка, – оглядев всю компанию, поднеся ко рту стакан, пролив немного джина себе на подбородок, – сколько у тебя есть? У меня есть любовь, любовь... (Камилла вышла из ванной – бодрая и чистая, аккуратно причесанная, со светящимися радостью подведенными глазами – и, шурша шелком платья, прошествовала через всю комнату. Право же, мисс

Щель, можно подумать, ты впервые хуй сосала. Камилла погрозила Голди пальчиком и села рядом с Салом) ... У меня есть любовь и «Птенчик». (О боже, только не после *нее*. Винни. Ах, Винни. Ну пожалуйста. Это было так давно. Так давно. Когда? Когда? Это все мой братец и узенькие трусики) ... Ли вышла из спальни и поспешила в ванную. Не понимаю, почему у нее тут нет даже щетки для волос... (Голди далеко не так привлекательна, как я) по-прежнему не говоря ни слова и пытаясь, пытаясь кокетливо улыбнуться, но не получалось, никак не получалось. Да и «Птенчик» умолк. Исчез. Остался только Ворон. Не вернуть... она была в смятении, и голова у нее все кружилась, кружилась, кружилась, и кружились звуки, и дым кружился, и смеялся Винни, он смеялся. Винни смеялся – а скоро он возьмет ее на руки и унесет в спальню... Какой-то голос. Голос. О боже, только бы не стать его клиенткой! Я не могу. Только не сейчас. Только не после... Ли, стуча каблуками, вошла в комнату – в чулках и лучших туфлях Шийлы, – грациозно села и посмотрела на потную, грязную, самодовольную, похотливую физиономию Гарри... радуясь, искренне радуясь, что она не такая, как этот уродливый выродок, этот извращенец; и в то же время с любовью вспоминая его безжалостную елду – в следующий раз мы останемся наедине, и он сможет позволить себе все извращения, какие вздумается, сможет даже отсосать у меня и кончит много раз... если мне этого захочется. Она посмотрела на Жоржетту и удивленно подняла брови. О чем

задумалась, голубушка? (стерва! Гнусная стерва! Оставь меня в покое!) Ну ладно, пошли, Жоржи. Поднимай свои булочки. Ты же не хочешь, чтобы твой обед остыл, правда? Она с достоинством поднялась... Идем, сладкая булочка, сейчас всё получишь... И они пошли, нежно взявшись за руки, и он преподнес ей розу, а она положила цветок на ладонь, словно скипетр, и осторожно поднесла его к губам, и аромат его был пленителен, и на лице у нее появилась улыбка, прелестная, как роза, такая мягкая, такая трепетная, и «Птенчик» вновь вернулся, заиграв, и она опустила розу на атласную подушечку, быстро освободила тело от одежды... Ты чего делаешь-то?... И одежда неслышно соскользнула к ее ногам... тебе ж надо только отсосать. На, сладкая булочка, бери, и смотри, не кусайся, ха-ха... Роза. Роза! Нет. Это всё Гарри. Не вернуть! Все вернуть. ВЕРНУТЬ, ВЕРНУТЬ!!! Ах, Винни, Винни, любовь моя, любовь моя... Хватит чушь молоть, чувак, соси давай! (любовь моя, любимый) Он стряхнул пепел, рассмеялся и отхлебнул глоток джина. А стонать он будет? Заставь его стонать, – она расстегнула его ремень, спустила брюки и погладила его потную задницу, а он схватил ее за уши и рассмеялся, и она нежно провела пальцами по напрягшимся мускулам его бедер (давай, браток, давай!), пощупала волосы на заднице... это ощущение, ощущение... нет. НЕТ. О БОЖЕ, НЕТ!!! Это просто постель так пахнет... Поосторожней с яйцами, черт побери!.. Так пахнет Гарри. Гарри. Это не дерьмо. Ну пожалуйста, пусть будет так. Он

не ебал ее. Пусть это будет не дерьмо... ощущение, вкус, запах... ЗАПАХ! Винни поднял с пола комбинацию. Ты молодчина, Жоржи, – погладив стоявшего на коленях гомика по голове. – Можешь расслабляться со мной в любое время. Жаль, ты не сидел со мной в тюряге. Мы могли бы славно поразвлечься. Она подняла голову, посмотрела на него и улыбнулась. Винни! Он заглянул ей в глаза, наклонился и нежно потрепал ее по щеке. Пошли, Жоржи, выпьем.

Она сидела среди своей одежды и смотрела, как он уходит. Почему он не поцеловал меня? Если бы только он позволил мне его поцеловать! Она взглянула на свои слаксы, на маленькую дырочку в штанине, и провела кончиками пальцев по корке на ноге. «Танцуй, балерина, танцуй». Мечты? Сейчас? Когда? Когда? Он был моим. Все-таки он мой. Он не ебал ее. Запах, ощущение, вкус... Все это было на кровати. После Гарри. Все правильно. Это прекрасно. Все вышло так, как я хотела. Это же... это... он был моим... Винни! Еще разок! Она попыталась соскрести корку с раны, подцепив краешек ногтем, но лишь отковыряла крошечный кусочек; нащупала противный гной и попробовала содрать корку одним резким движением... но рука не слушалась. Рана болела. Ныла... Она закрыла рану ладонью, достала из ящика комода шприц-тюбик, нашла вену на руке, потом снова приложила ладонь к ноге. Всё это было только что. Сейчас. Не вчера и не завтра... но настанет завтра и появятся мечты... они сбылись... сбылись... нет, этого не было... это был Гар-

ри. У Винни есть я. В любое время... да, в любое время... Но Розы – это совсем другое дело... это не одно и то же... Она взяла еще один шприц-тюбик, с минуту повертела его в руках, вмазалась в вену на ноге, потом положила его на кровать и опрометью выбежала из квартиры. Все смотрели, как она убегает, а Камилла спросила, куда это она. А, у нее, наверное, так бешено зудит либидо, что она решила три раза пробежаться вокруг дома. Ага. Она жалеет, что ее не оприходовали.

Дверь с шумом захлопнулась, и она прислонилась к балясине перил, постояв, пока не утихла тошнота, потом спотыкаясь спустилась по лестнице (за ней наблюдала Тони) и вышла на улицу. Яркое светило жаркое солнце, и ее хлестал и обжигал свет, отражавшийся от окон, лобовых стекол и капотов машин, от жестяных указателей, от пуговиц на рубашках, от валявшихся на улице бутылочных крышечек и полосок бумаги. Нутро у нее горело, и она то и дело натывалась на машины на стоянке, но все же передвигалась, передвигалась, а всё вокруг делалось ярче, белее, горячее. Она ухватилась за перила и спустилась по лестнице в подземку, в замечательную темную подземку. Народу очень мало. Рядом никого. Она скрестила руки на груди и положила голову на спинку переднего сиденья. Прохлада. Так прохладней, да, так прохладней, а в голове приятное тепло, Винни еще будет ей принадлежать, и в следующий раз, когда-нибудь, он ее поцелует. И они уйдут вдвоем. Пойдут в кино и там возьмутся

за руки или погуляют, и он даст ей прикурить... Да, заслонит спичку ладонями, в уголке рта у него будет торчать сигарета, и я прижму ладони к его рукам, а он задует спичку и выбросит ее... но нам не обязательно идти на танцы. Я знаю, он не любит танцевать. Я надену модное ситцевое платье. Что-нибудь простенькое. Что-нибудь нарядное и ловко сидящее. Винни? Это все-таки был Гарри... Нет. Нет, мне не придется ходить в бабском наряде. Плевать, пускай все думают что хотят – ведь мы будем любить... Любить. И будем любимы. И я буду любима. И «Птенчик» заиграет пронзительную мелодию любви, и мы взлетим... Ох уж эта гнусная стерва! В бабском наряде я гораздо убедительнее изображаю женщину, чем Ли. Она на Чаплина похожа. А я буду танцевать, как Мелисса. Эх, была бы я чуть пониже ростом! Здорово мы вывели мисс Ли на чистую воду, правда, Винсент?... (Жоржетта, пританцовывая и мурлыча песенки, быстро расхаживала по комнате в шелковых трусиках и подбитом ватой лифчике, а на краешке кровати сидел голый клиент, и по его жирному, оплывшему телу струился пот; он трогал шелк, когда Жоржетта проносилась мимо, и теребил свои гениталии, облизываясь, а на губах у него висели слюни; потом она вылезла из трусиков, а он схватил их, спрятал в них лицо, упал со стоном на кровать и распростерся ниц...) ... Нет. Нет. Все это сейчас. Завтра. Винни... да, да. Винченти. Винченти д'Аморе. *Che gelida mania...* да-да. Холодно, о мой любимый! *Si me chiamano Mimi...* Si, свеча. Мягкий рассеянный свет све-

чи... а я тебе что-нибудь почитаю, и мы выпьем вина. Нет. Не холодно. Не очень. Просто легкий ветерок с озера. Такой приятный. Тихий. Смотри, ряби на поверхности почти не видно. И ивы. Да. Sì. Величавые плакучие ивы кланяются, любуясь своим отражением в воде; кивают, говорят нам. да. Да, да, да... О Винченти, обними меня. Покрепче. Винченти. д'Аморе. O soave fanciulla... (Жоржи – мой дружок, он у меня в любое время отсосет за пятицентовик или за) ... Озеро. Озеро. И луна... Да... Смотри! Смотри! Видишь, вон там? Лебедь. Ах, какая красивая! Какая невозмутимая! Луна ее сопровождает. Смотри, как освещает ее луна. Ах, какая грация! О да, да, да, люблю, Винни, люблю... Винченти... Смотри! Смотри, она скользит к нам. К нам. Ради нас. Ах, какая белая! Да. Белая. Белее, чем снега на вершинах гор. Снега теперь – всего лишь тени. А она искрится и блестит. Королева птиц. Да. О да, да, виолончели. Сотни виолончелей, и мы заскользим в свете луны, плавно, с пируэттами, приблизимся к КОРОЛЕВЕ ПТИЦ и поцелуем лебединую головку, и кивнем ивам, и грациозно поклонимся ночи, и они воздадут нам почести... они воздадут нам почести, и озеро воздаст нам почести, и горы воздадут нам почести, и легкий ветерок, и солнце нежное взойдет, и засияют его лучи, повсюду проникая, и даже ивы чуть приподнимут свои кроны, и снег станет белее, и горы начнут отбрасывать тени, и будет тепло... да, будет тепло... тени останутся, но будет теплым лунный свет («Танцуй, балерина, танцуй») Винни???

будет теплым лунный свет. Скоро потеплеет. Обними меня, Винченти. Люби меня. Просто люби. А как восхитительны на солнце цветущие луга! Залитые ярким светом. Ослепительным и теплым. А высокая трава колыхается, и разлучаются травинки, и вспыхивают все цвета, и все вокруг делается красным, фиолетовым, пурпурным, зеленым, белым... да, белым – и золотым, и голубым, и розовым, нежно-розовым, а взгляни на светлячков... словно цветы ночи... о да, да, цветы ночи. Нежные огоньки. Дивные огоньки. Ах, мне так холодно! *La commedia e finita*. Нет! НЕТ! Винченти! Да, да, родной. *Si me chiamano Mimi*. Милашка Жоржи, лакомый кусочек. «Птенчик». Слушай, Винни. «Птенчик». О да, родной, конечно. Я люблю тебя. Люблю. О Винни! Винченти. Губы у тебя такие теплые! Д'Аморе. Ах, смотри, как звезды мягко озаряют небо! Да, словно драгоценности. Ах, Винни, мне так холодно! Пойдем погуляем. *Sone andati*. Да, любовь моя, я его слышу. Да. Он играет мелодию любви. Любви, Винни... мелодию любви... нет, НЕТ! О боже, нет!!! Винни меня любит. Он любит меня. Этого.

Не было.

Часть III

А с ребенком – трое

*И увидишь ты, что семя твоё многочисленно, и
отрасли твои, как трава на земле.
Иов 5, 25*

Ребенка крестили через четыре часа после бракосочетания. Ну и что, наплевать и забыть, поженились-то они все-таки раньше. Зато повеселились мы, чувак, на славу! Потом, конечно. Ее старик грандиозную свадьбу закатил. А тут еще Шпик с его треклятым мотоциклом. У Томми был «Индиан-76». Это как раз тот малый, что женился. У него был этот «Индиан» – да ты знаешь, хилый такой. Просто чахоточный. Никто из ребят к такому и близко бы не подошел. Ездить-то он ездит и все такое, да уж больно маленький. А нужен такой, чтоб его можно было до ума довести. Сам знаешь, чтоб как игрушка был – флажки там, вымпела да толстожопая коляска с хромом. Тёлки прямо так и липнут, чувак! Просто класс! Короче, у него был этот семьдесят шестой, а Томми-то малый длинный, кожа да кости, ну и мотоцикл под ним смотрелся, точно какой-нибудь отросток. Точно заместо елды у него между ног мотоцикл. Так вот, заведет он его, значит, и сидит себе спокойненько, как на курорте, только на педаль легонько жмет, а движок ревет как бешеный. Все ребята сто-

ят на месте, машины у них кренятся и брыкаются, брыкаются, треклятые движки только чихают да пердят, а Томми сидит на этой елде, колеса дают движку разнос, искра идет, и грохот – точно во время артобстрела, а потом он начинает ездить, медленно так, кругами, и ждать, когда у них заведутся мотоциклы.

Но Томми был малый что надо!

Спокойный, не дерганный. Особенно по сравнению со всеми остальными. К тому же он работал. Не всегда, конечно, но все-таки! Раньше он нет-нет да и встречался с Сузи. Катал ее на мотоцикле, в кино водил (наверно), да и в здешние пивнушки они обычно на пару заходили. Но о том, что Сузи залетела, мы узнали, только когда она уже на восьмом месяце была. А то и на девятом. Это была полька с толстыми ляжками, и даже ее старик ничего не знал, пока она в больницу не угодила. Сдается мне, не очень-то он внимательно смотрел. Да он и не просыхал почти. Короче, когда старуха сказала ему, что Сузи в больнице, он чуть умом не тронулся. А через пару дней протрезвел, расчувствовался, приперся в больницу и давай нюни распускать: мол, он все сделает для своей маленькой дочурки (она была всего на дюйм-другой ниже Томми, а весила на сорок фунтов больше) – и почему она не сказала ему, что залетела, беда-то, мол, какая, а та просто посмотрела на него, попросила закурить и говорит, никакая, мол, это не беда, и примерно через недельку старик уже, как обычно, изучал программку скачек, попивал пивко

и поджидал какого-нибудь богатенького лоха. И все же надо отдать ему должное. Свадьбу он и вправду закатил на славу. Началось веселье после бракосочетания, но все самое интересное было после крестин. То есть, когда Шпик выпил пивка и должен был прокатиться. Шпик уже давно спал и видел, как он на мотоцикле разъезжает. Целых полгода в шлеме ходил, а мотоцикла еще и в помине не было. Само собой, все, у кого есть мотоцикл, носят шлемы. Никаких сапог там, никаких курток с орлами и прочего дерьма, но шлем нужен, чтоб волосы в глаза не лезли. Короче, шлем у Шпика был, а мотоцикла не было. Он целыми ночами просиживал «У Грека», а со шлемом расставаться не желал ни за какие коврижки. Попробовал бы ты, чувак, стащить тот шлем у него с башки, так он бы спятил. Ну, а Томми, короче, изредка давал Шпику покататься, и тогда Шпик и впрямь с ума сходил, аж дергался. Заводил треклятый мотоцикл, мутузил его, поносил на чем свет стоит, орал, вопил, поправлял свой распроклятый шлем и катил по Второй авеню, а грохот подымался адский. Потом Томми махал ему рукой, чтоб возвращался. Шпик медленно разворачивался, подъезжал с обратной вспышкой к Томми, пару раз газовал, опускал подпорку, глушил движок, остороженько слезал, похлопывал по сиденью, по баку и говорил ему, что это классная машина. Просто классная. А на другой день Шпик обходил все мотомагазины Нижнего Манхэттена, мечтательно глазел на машины в витринах, заходил и приценивался, а продавец говорил ему,

что за два дня ничего не изменилось, как была цена полторы тысячи, так и осталась, и Шпик спрашивал, нет ли новых подержанных машин, а продавец качал головой и занимался своим делом, тогда Шпик принимался разглядывать фары, сиденья, выпела, ветровые стекла, багажники и потихоньку с ума сходил, а потом возвращался к «Греку» и рассказывал нам, какой он видел классный «Харли-Дэвидсон» – новенький, последняя модель, причем он знал каждую полосу хрома, каждый болт и каждую гайку в этой чертовой машине, и все смеялись, а кто-нибудь подкрадывался к нему сзади через боковую дверь, снимал с него шлем и бросал другому, и Шпик как чокнутый из кожи вон лез, лишь бы заполучить его обратно, а потом кто-нибудь снова нахлобучивал шлем ему на голову, и мы смеялись, а он твердил, что мы, мол, и понятия не имеем, каково это – мотоцикл хотеть. Потом кто-нибудь обещал покатать его, если он купит кофе с булочкой, тут уж Шпик не выдерживал и расставался с десятицентником (Нелегко было заставить его с чем-нибудь расстаться, особенно с деньгами. Наверное, он пытался накопить на мотоцикл и ныкал бабки в кубышку.), поправлял свой шлем, они трогались с места, он орал «Побереги-и-ись!», они выезжали на Кольцевую парковую и давай лавировать в потоке машин, Шпик шалел от счастья, орал, визжал, а когда они возвращались к «Греку», все твердил: Черт возьми! Я просто обязан купить мотоцикл! Чувак, ты и понятия не имеешь, каково это – мотоцикл хотеть! А на другой день отправлялся

в Нижний Манхэттен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.